

4. Процессъ капиталистическаго производства.

Производство стоимости и прибавочной стоимости.—Простой и сложный трудъ.—Необходимое и прибавочное рабочее время.—Постоянный и переменный капиталъ.—Капиталистическое накопленіе въ отличіе отъ первоначальнаго.—Воспроизводство капиталистическихъ отношеній.

Всякій товаръ представляетъ одновременно стоимость,—какъ предметъ, производство котораго стоило опредѣленнаго количества человѣческаго труда,—и потребительную стоимость: какъ предметъ, который можетъ удовлетворять опредѣленнымъ человѣческимъ потребностямъ.

Тѣ массы продукта,—ситець и вакса, машины и обувь,—которыя производитъ предприниматель, какъ и всякій другой товаропроизводитель, не предназначены для его собственнаго потребленія, не будутъ удовлетворять его непосредственныхъ потребностей, не представляютъ для него потребительныхъ стоимостей. Даже у ремесленнаго ткача, портного или сапожника только ничтожная доля годовнаго производства уходитъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей его и семьи въ одеждѣ и обуви. Продукты, которые создаются у товаропроизводителя, будутъ потребительными стоимостями для другихъ. Самого товаропроизводителя интересуетъ въ этихъ продуктахъ только одна сторона: они для него—стоимость. Но уже здѣсь выступаетъ разница между ремесленникомъ и предпринимателемъ. Для ремесленника стоимость важна потому, что на рынокѣ онъ можетъ превратить ее въ предметы потребленія для себя и семьи. Эта сторона дѣла, важная и для мелкаго, начинающаго капиталиста, съ развитіемъ его въ настоящаго капиталистическаго предпринимателя ступшевается передъ другой стороной: передъ возможностью превратить эти стоимости въ универсальную форму богатства, во всеобщее, абстрактное воплощеніе стоимости, въ деньги, притомъ въ большее количество денегъ, чѣмъ было первоначально затрачено на производство. Такимъ образомъ окончательно поры-

вается связь условий производства съ непосредственными потребностями его организатора. Процессъ капиталистическаго производства есть процессъ производства стоимости.

Приступая къ организаціи предпріятія, промышленникъ долженъ сдѣлать извѣстныя предварительныя затраты, или, какъ выражаются, долженъ авансировать капиталъ. Такъ какъ мы предполагаемъ достаточно развитыя капиталистическія отношенія, то, очевидно, ему приходится затратить извѣстную сумму денегъ для того, чтобы пріобрѣсти на рынкѣ всѣ необходимые элементы производственнаго процесса. Посредствомъ мѣновыхъ актовъ деньги, абстрактная форма стоимости, превращаются въ такія конкретныя воплощенія стоимости, которыя требуются характеромъ будущаго производственнаго процесса: въ опредѣленныя средства производства—хлопокъ, уголь, машины—и въ рабочую силу прядильщиковъ, ткачей, кочегаровъ, и т. д. Такъ какъ въ мѣновыхъ актахъ всеобщая форма стоимости просто замѣщается извѣстной конкретной стоимостью той же величины, то эти акты нисколько не увеличиваютъ той стоимости, съ которой капиталистъ явился на рынокъ: они важны какъ необходимое предварительное условіе, какъ подготовительные шаги къ будущему производству стоимости; сами по себѣ они не осуществляютъ ея производства, т.-е. возрастанія, увеличенія стоимостей, уже имѣющихся въ наличности. Эта основная задача капиталиста получаетъ разрѣшеніе не на рынкѣ, не въ актахъ обмѣна, а въ самомъ предпріятіи, въ актахъ производственнаго процесса.

Капиталистическій, какъ и всякій иной процессъ производства, есть одновременно процессъ потребления средствъ производства и процессъ потребления рабочей силы. Средства производства входятъ въ процессъ труда какъ стоимости опредѣленной величины: какъ продукты, которые были произведены въ прошломъ 10-ю, 20-ю, 50-ю днями труда; какъ товары, которые были пріобрѣтены на соответственное количество стоимостей въ денежной формѣ. Напр., если 1 рубль представляетъ такое количество денежнаго металла, золота или серебра, которое обходится обществу въ 1 день труда, то эти товары были пріобрѣтены за 10, 20, 50 рублей. Процессъ производства можетъ въ дальнѣйшемъ возобновляться снова и снова лишь при томъ условіи, если стоимость средствъ производства, потребляемыхъ въ предпріятіи, будетъ снова и снова воспроизводиться въ готовомъ продуктѣ. Воспроизводиться же она будетъ лишь при томъ условіи, если потребляются они съ средней для даннаго общества рациональностью. Такъ, если при данномъ уровнѣ техники изъ каждыхъ 10 фунтовъ хлопка получается 8 фунтовъ пряжи, то стоимость каждыхъ 80 фунтовъ пряжи должна возмѣстить и вообще

возмѣщаетъ стоимость потребленныхъ при ея производствѣ 100 фунтовъ хлопка. Если у какого-либо предпринимателя потребляется не 100, а 105 фунтовъ хлопка, то излишніе 5 фунтовъ будутъ представлять технически-нераціональное, нецѣлесообразное потребление, ихъ стоимость не возмѣстится въ стоимости продукта. Входя въ процессъ производства какъ «застывшій», по образному выраженію Маркса, какъ прошлый, «мертвый» трудъ, средства производства благодаря технически-цѣлесообразному потребленію просто сохраняютъ свою стоимость. Величина послѣдней остается безъ измѣненія. Поэтому та часть капитала, которая затрачивается на приобретение средствъ производства и потомъ существуетъ уже въ видѣ ихъ, называется постоянною частью капитала.

Потребленіе рабочей силы—или, иначе, реализація потребительной ея стоимости—есть трудъ: затрата мышечной и нервной энергіи. Это есть трудъ текущій, живой, настоящій, въ противоположность застывшему, мертвому, прошлому, существующему въ видѣ средствъ производства. Присоединеніе этого текущаго труда къ средствамъ производства и является процессомъ труда (или процессомъ производства, если разсматривать его съ точки зрѣнія цѣли,—созданія новаго продукта). Оно превращаетъ средства производства въ готовый продуктъ, выпускаемый предпріятіемъ. Оно-то какъ разъ и создаетъ ту новую стоимость, которая присоединяется къ стоимости рационально потребленныхъ средствъ производства. Но создаетъ ее опять-таки лишь при томъ условіи и постольку, если и поскольку рабочая сила потребляется съ средней для даннаго общества рациональностью. Такъ, напр., когда въ обществѣ получаетъ достаточное распространеніе механической прядильный станокъ, за которымъ работникъ въ 3 дня превращаетъ 10 фун. хлопка въ 8 фун. пряжи, будетъ технически нераціональна работа на ручной прялкѣ, требующая на ту же операцію, скажемъ, 7 рабочихъ дней. Если средняя для даннаго общества производительность прядильнаго труда выражается отношеніями: въ 3 дня 8 фун. пряжи, то 3 дня и будутъ тѣмъ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, которое требуется для превращенія хлопка въ пряжу и которое создаетъ новую стоимость, присоединяемую къ стоимости потребленныхъ средствъ производства. Тѣ лишніе 4 дня, которые требуются при работѣ на ручномъ станкѣ, являются непроизводительнымъ расточеніемъ времени. Но, пока не было механическаго станка, эти 4 дня входили въ составъ времени, общественно-необходимаго для превращенія 10 ф. хлопка въ пряжу. Тогда стоимость послѣдней слагалась изъ стоимости потребленныхъ средствъ производства плюсъ семь рабочихъ дней прядильщика. Теперь, съ распространеніемъ техни-

ческих усовершенствований, повысивших среднюю для данного общества производительность труда, она складывается из стоимости потребленных средств производства плюс три рабочих дня прядильщика.

Итак, одним из условий рационального потребления рабочей силы в предприятии,—такого, которое только и создает стоимость,—является техническое оборудование не ниже среднего для данного общества. Другое связано не с внешними условиями производственного процесса, не с его так называемыми объективными факторами, а с личностью самого работника, с так называемым субъективным фактором производства. При работе за совершенно одинаковыми станками и при совершенно одинаковых затратах рабочей силы у разных работников могут получаться очень неодинаковые результаты. Одному придется чаще останавливать станок, чем другому,—одному для превращения 10 ф. хлопка в пряжу потребуется 4 дня, другому 3, третьему 2 дня: точно так же, как из двух равносильных гончаров (или косарей) у одного дневная затрата трудовой энергии выразится в 5 дюжинах горшков (1 десятая скошенного луга), у другого совершенно такая же затрата—всего в 4 дюжинах ($\frac{4}{3}$ десятины).

Величина стоимости, вновь создаваемой в производственном процессе, определяется не тем трудом, который затрачивается в каждом индивидуальном случае, а тем количеством труда, которое общественно-необходимо для производства продукта. Индивидуальные колебания производительности труда, зависящие от личности отдельных работников, точно так же дают известную среднюю для данного общества степень производительности, как и те колебания, отклонения и различия производительности, которые определяются различиями в техническом оборудовании предприятий. Таким образом, говоря о производстве стоимости, мы должны предположить работника, затрачивающего в день, час и т. д. среднее количество трудовой энергии и обладающего средней опытностью и подготовленностью.

В предыдущем речь шла о различиях в производительности труда. Они находили себя выражение в том, что количественно одинаковый труд, количественно одинаковые затраты рабочей силы в одном случае дают 2 фунта пряжи или 5 дюжин горшков, в другом— $1\frac{1}{2}$ ф. пряжи или 4 дюжины горшков. Следовательно, производительность труда определяется количеством продукта, приходящегося на единицу трудовых затрат,—прямо пропорциональна этому количеству.

Но ясное дело, что размеры трудовых затрат не могут не

посредственно измѣряться продолжительностью рабочаго времени. Такъ, ребенокъ въ теченіе одного рабочаго часа, вообще говоря, сумѣетъ затратить труда въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ взрослый рабочій: рабочая сила, основной фондъ, изъ котораго производится эта затрата, много меньше у ребенка, чѣмъ у взрослого. Однако дѣло не только въ различіяхъ этого фонда, а и въ томъ, какую часть его работникъ приводитъ въ текущее состояніе,—какую часть скрытой въ его мышцахъ и нервахъ потенциальной энергіи превращаетъ въ кинетическую энергію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—когда производственныя операціи носятъ очень элементарный характеръ и требуютъ отъ работника главнымъ образомъ мышечной силы,—различія въ этомъ отношеніи совершенно очевидны и могутъ получить довольно точное количественное выраженіе. Такъ, одинъ носильщикъ въ одинъ рабочій часъ подаетъ на постройку опредѣленной высоты 1.000 кирпичей, другой — 2.000; одинъ землекопъ выбрасываетъ въ 8 часовъ на опредѣленную высоту 1 кубическую сажень земли, другой — 2 куб. сажени. Во всѣхъ этихъ случаяхъ количество трудовыхъ затратъ поддается совершенно точному учету и можетъ быть выражено въ пудо-футахъ и тому подобныхъ единицахъ измѣренія. Продуктъ вторыхъ носильщика или землекопа — кирпичи или земля, поднятые на опредѣленную высоту, — вдвое больше, чѣмъ продуктъ первыхъ работниковъ; но больше только потому, что въ единицу времени ими затрачивается вдвое больше труда, или, какъ говорятъ, ихъ трудъ вдвое напряженнѣе, интенсивнѣе. Слѣдовательно, интенсивность труда опредѣляется тѣмъ количествомъ рабочей силы, которое въ единицу времени приводится въ текущее состояніе, или, проще, опредѣляется размѣрами трудовыхъ затратъ въ единицу времени. Въ нашемъ примѣрѣ трудъ вторыхъ работниковъ вдвое интенсивнѣе, — и потому каждый часъ ихъ работы создаетъ вдвое большую стоимость.

Соизмѣреніе трудовыхъ затратъ легко осуществляется на практикѣ, когда дѣло идетъ объ элементарныхъ работахъ, требующихъ преимущественно механической силы. Но оно становится недоступнымъ, если берутся достаточно разнородныя работы или вообще такія, которыя въ значительной степени требуютъ затраты нервной и мозговой энергіи. Однако, не поддающіяся непосредственному количественному учету, въ мѣновомъ процессѣ эти работы количественно соизмѣряются: 1.000 кирпичей онъ приравниваетъ 1 куску полотна, или одну дюжину гвоздей одной расписной фарфоровой чашкѣ. Соизмѣряются ли товары непосредственно, какъ было на низшихъ ступеняхъ мѣновыхъ отношеній, или они становятся соизмѣримыми благодаря тому, что всѣ приравниваются опредѣленному

количеству денежнаго металла, т.-е. соизмѣряются черезъ соизмѣреніе съ этимъ металломъ, это не имѣетъ значенія. Ясно, что и другъ съ другомъ, и съ деньгами они могутъ соизмѣряться только потому, что и всѣ товары, и деньги — величины, однородныя въ какомъ-либо отношеніи. Въ предыдущихъ отдѣлахъ, говоря объ обмѣнѣ, мы уже показали, что основой соизмѣренія является одно обстоятельство: и товары, и денежный металлъ, — всѣ эти предметы стоятъ извѣстнаго количества труда. И процессъ обмѣна, приравнивающій, напр., 1 часъ работы суконщика 2 часамъ работы каменщика, тѣмъ самымъ говоритъ, что трудъ перваго вдвое интенсивнѣе, его трудовыя затраты въ теченіе каждаго часа работы вдвое больше, чѣмъ у каменщика. Сложный квалифицированный трудъ сводится въ мѣновомъ процессѣ къ умноженному болѣе простому труду: въ нашемъ примѣрѣ 1 часъ суконщика свелся къ 2 часамъ работы каменщика. Слѣдовательно, съ той точки зрѣнія, съ которой мы сейчасъ разсматриваемъ процессъ производства, съ точки зрѣнія образованія стоимости, различія въ степени сложности, квалифицированности труда не представляютъ никакихъ затрудненій. Квалифицированный трудъ наборщика точно такъ же сводится къ простому труду и становится соизмѣримымъ съ трудомъ, напр., наладчика, какъ трудъ носильщика, подающаго въ часъ 2.000 кирпичей, сводится къ труду носильщика, подающаго въ то же время всего 1.000 кирпичей.

Такимъ образомъ, мы возвращаемся къ прежнему положенію: работникъ создаетъ стоимость постольку, поскольку то количество труда, которое онъ употребляетъ на производство продукта, совпадаетъ съ общественно-необходимымъ количествомъ труда. Это же послѣднее опредѣляется въ свою очередь достигнутымъ уровнемъ техническаго развитія общества. При прочихъ равныхъ условіяхъ, трудовыя затраты пропорціональны продолжительности рабочаго времени. Для того, чтобы сдѣлать ихъ вообще соизмѣрими, необходимо болѣе сложный или болѣе интенсивный трудъ свести къ простому труду; тогда величина стоимости будетъ во всѣхъ случаяхъ пропорціональна рабочему времени. Въ дальнѣйшемъ, гдѣ нѣтъ особыхъ оговорокъ, мы вездѣ предполагаемъ часы простого труда.

Предположимъ, что трудъ прядильщика — простой трудъ (это предположеніе, обратное дѣйствительному характеру труда современнаго прядильщика, вполне допустимо, такъ какъ экономическое существо тѣхъ явленій, которыя иллюстрируются нашимъ примѣромъ, нисколько не измѣняется). Пусть передъ нами будетъ средній по искусству и опытности прядильщикъ, пусть его рабочая сила потребляется съ средней для даннаго общества рациональностью, при среднихъ объективныхъ условіяхъ производства. Въ такомъ

случаѣ, присоединяя свой трудъ къ средствамъ производства въ теченіе 10-часового рабочаго дня, прядильщикъ присоединяетъ къ нимъ, создаетъ новую стоимость, которая въ процессѣ обмѣна окажется равной всякой другой стоимости, созданной десятью часами простого труда. Если мы предположимъ, что стоимость средствъ производства, цѣлесообразно потребляемыхъ въ теченіе рабочаго дня, опредѣляется 20 часами общественно-необходимаго времени, то вся стоимость пряжи, производимой прядильщикомъ въ одинъ рабочій день, выразится въ 20 часахъ ранѣ созданной стоимости, вошедшей въ процессъ прядильнаго производства, плюсъ 10 часовъ новой стоимости, созданной работой прядильщика. Слѣдовательно, вся стоимость пряжи опредѣлится 30 часами труда.

Итакъ, новая стоимость вообще создается такимъ образомъ, что къ прошлому труду, кристаллизованному въ средствахъ производства, присоединяется новый, живой, текущій трудъ.

Въ этомъ отношеніи,—т.-е. рассматриваемый со стороны образованія стоимости,—процессъ производства не представляетъ никакихъ различій, совершается ли онъ въ крестьянскомъ или ремесленномъ хозяйствѣ, въ плантаторскомъ или капиталистическомъ предпріятіи. Специфическія особенности послѣдняго выступаютъ передъ нами, если мы учтемъ специфическія особенности той рабочей силы, которая примѣняется въ предпріятіи.

Рабочая сила превратилась въ товаръ. Значитъ, капиталистъ, приступая къ устройству промышленнаго предпріятія, не только покупаетъ средства производства, но и нанимаетъ рабочаго, покупаетъ его рабочую силу, пользованіе ею въ теченіе одного дня, недѣли, мѣсяца. Сведемъ всѣ расчеты къ одному рабочему дню, предположимъ, что рабочая сила покупается тоже на одинъ день, и рассмотримъ, что долженъ капиталистъ уплатить за нее.

Рабочій живетъ продажей того единственнаго товара, который имѣется у него: продажей рабочей силы. Значитъ, продавъ ее капиталисту и расходуя ее въ предпріятіи послѣдняго въ теченіе рабочаго дня, рабочій долженъ получить возможность продать этотъ товаръ и на слѣдующій день,—продать на совершенно такихъ же условіяхъ, какъ онъ былъ проданъ на текущій день. Поэтому у него должна быть возможность притти завтра на рынокъ съ совершенно такимъ же товаромъ, какъ сегодня, а значитъ, и возможность возмѣстить то расхищеніе рабочей силы, которое произошло въ сегодняшнемъ процессѣ труда. Возмѣщеніе рабочей силы есть возмѣщеніе силъ организма—нервной, мускульной энергіи,—потраченныхъ въ процессѣ жизни и процессѣ труда, и достигается оно потребленіемъ тѣхъ веществъ, которыя претворяются организмомъ въ мышцы и

нервы, и посредствомъ пользованія такими приспособленіями, которыя предохраняють организмъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и отъ бесполезнаго расточенія энергіи (одежда, жилище). Количество и качество этихъ необходимыхъ средствъ существованія въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи различно. Оно опредѣляется не только естественными, въ первую очередь климатическими условіями, но въ огромной степени и общимъ уровнемъ культуры данной страны или эпохи. Та горсточка риса, которой вполне поддерживается обычная китайская работоспособность, не предохранила бы европейца отъ голодной смерти, если бы даже онъ жилъ не работая. Огромную роль играютъ и тѣ историческія условія, при которыхъ возникаетъ рабочій классъ, тѣ отношенія, при которыхъ жили его непосредственные предшественники. Изгоняемый изъ деревни скрытымъ перенаселеніемъ, въ теченіе ряда поколѣній давившимъ деревню, крестьянинъ сохраняетъ и даже повышаетъ свою обычную работоспособность, если онъ получаетъ ежедневно достаточную краюху чистаго ржаного хлѣба безъ какихъ-либо подмѣсей, и ничего больше. То же и съ работниками, которыхъ скрытое перенаселеніе (а иногда кромѣ того и варварскія, достойныя среднихъ вѣковъ преслѣдованія) гонитъ въ Америку изъ Италіи, Ирландіи (и изъ русской «черты еврейской осѣдлости»). Ихъ рабочая сила поддерживается при такихъ средствахъ существованія, которыя не гарантировали бы коренного американскаго рабочаго отъ быстрой гибели.

Способъ рекрутированія рабочаго класса, социальный бытъ тѣхъ слоевъ, изъ которыхъ пополняется его составъ, важенъ и еще въ одномъ отношеніи. Турокъ—на черноморское побережье, персъ—на Кавказъ, итальянецъ и китаецъ—въ Америку, русскій деревенскій парень—въ русскій же городъ приходятъ одни, безъ семьи, зачастую только затѣмъ, чтобы избавить своихъ деревенскихъ родственниковъ отъ лишняго «бѣдока». Во всякомъ случаѣ, они не «обзаводятся» семьей въ мѣстѣ своего новаго жительства, тѣмъ болѣе, что долго считаютъ его только за временное. Если же семья и появляется, — браки среди такихъ социальныхъ группъ заключаются обычно довольно поздно, — она остается въ деревнѣ, кормится отъ земли и получаетъ лишь небольшое вспомошествованіе отъ городского работника, который изрѣдка, преимущественно на страдное время, пріѣзжаетъ «въ побывку». Слѣдовательно, такой работникъ остается прежде всего «бѣдокомъ», освободившимъ семью отъ лишняго «рта», и лишь въ самой ничтожной степени — «добытчикомъ» для семьи. Его отхожіе заработки должны доставить ему главнымъ образомъ средства его собственнаго существованія.

Очевидно, такое положеніе можетъ сохраняться лишь до тѣхъ

поръ, пока разрушающіяся мелко-буржуазныя формы хозяйства даютъ достаточно широкіе кадры наемныхъ рабочихъ и пока та очень элементарная рабочая сила, которая производится среди этихъ формъ, главнымъ образомъ въ деревнѣ, вполнѣ удовлетворяетъ всѣ потребности капиталистическаго предпріятія ¹⁾).

Когда разложеніе крестьянскаго хозяйства заходитъ далеко, работникъ все больше порываетъ свои связи съ деревней, прочно поселяется въ городѣ, становится семейнымъ человѣкомъ. Къ освобожденію рабочаго класса отъ мелко-буржуазныхъ отношеній ведетъ и развитіе промышленности, выдвигающее потребность въ такой квалифицированной рабочей силѣ, которой не можетъ дать полурабочій-полукрестьянинъ. Рабочій долженъ тогда получать отъ промышленнаго предпріятія необходимыя средства существованія для себя и семьи: если бы для семьи ему пришлось урѣзывать обычные средства своего собственнаго существованія, его работоспособность стала бы падать. Конечно, нѣкоторая часть бюджета рабочей семьи можетъ покрываться промышленными заработками жены и дѣтей рабочаго. Но это нисколько не измѣняетъ того положенія, что рабочая семья должна теперь получать всѣ средства существованія отъ капиталистическаго производства. И только при осуществленіи этого условія капиталистическое производство становится на свои собственные ноги въ томъ смыслѣ, что замѣстители для изношенной рабочей силы воспитываются и находятся не внѣ сферы этого производства, не среди чуждыхъ ему формъ, а создаются въ сферѣ, уже захваченной промышленнымъ капиталомъ. Пока этотъ моментъ не наступилъ, промышленный капиталъ, можно сказать, ведетъ паразитическое существованіе: онъ высасываетъ и потребляетъ лучшія рабочія силы крестьянства, — тѣ рабочія силы, въ ростѣ и развитіи которыхъ онъ не принималъ никакого участія, которыя онъ получалъ готовыми, которыя деревня выращивала для него.

Итакъ, «необходимыя средства существованія» — не физиологическое, а чисто экономическое понятіе. Они могутъ приближаться къ физиологическому минимуму, и даже эпизодически, — при хронической массовой безработицѣ, при чрезвычайномъ давленіи скрытаго перенаселенія, — падать ниже этого минимума. И, наоборотъ, они могутъ подниматься далеко выше, охватывать цѣлый рядъ культурныхъ потребностей: потребности въ книгѣ, газетѣ, товари-

¹⁾ Сходное положеніе сложилось, повидимому, уже въ средніе вѣка въ суконной и отчасти въ горной промышленности: всѣ условія жизни „подмастерьевъ“, фактически превратившихся въ пожизненныхъ наемныхъ рабочихъ, обрекали ихъ на безбрачіе.

щескомъ общеніи (клубы, лекціи, союзы и т. д.), потребность въ томъ, чтобы дать дѣтямъ извѣстное образованіе. И нѣтъ ничего таинственнаго въ томъ способѣ, какимъ недостаточная возможность удовлетворять этимъ потребностямъ понижаетъ обычную работоспособность рабочаго: чтобы удовлетворить высшія потребности, онъ урѣзываетъ себя на квартирѣ, одеждѣ, переходитъ къ менѣ питательнымъ сортамъ пищи и т. д.

Величина такого экономическаго минимума необходимыхъ средствъ существованія, измѣняющаяся при переходѣ изъ страны въ страну и отъ эпохи къ эпохѣ, не поддается точному количественному опредѣленію. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ каждой странѣ и въ каждую эпоху существуетъ такой минимумъ средствъ существованія, ниже котораго капиталистъ не можетъ опустить уровень жизни рабочихъ: иначе онъ не нашель бы рабочихъ той минимальной работоспособности, которая требуется для его предпріятія, и каждое новое поколѣніе рабочихъ характеризовалось бы понижающейся работоспособностью. Этотъ минимумъ средствъ существованія и долженъ выручить посредствомъ продажи своей рабочей силы работникъ, трудъ котораго представляетъ «простой» для даннаго общества трудъ.

Средства существованія работника, — хлѣбъ, картофель, мясо, одежда и т. д., — произведены трудомъ, представляютъ стоимости опредѣленной величины. Величиною трудовыхъ затратъ на производство этихъ стоимостей и опредѣляется стоимость рабочей силы, т.-е. то количество стоимостей, которое наемный рабочій долженъ ежедневно получать отъ капиталиста для того, чтобы у него была возможность снова и снова являться на рынокъ съ однимъ и тѣмъ же товаромъ, съ одной и той же рабочей силой.

Такимъ образомъ стоимость рабочей силы равна стоимости необходимыхъ средствъ существованія рабочаго, а послѣдняя опредѣляется рабочимъ временемъ, общественно-необходимымъ на производство этихъ средствъ существованія. Покупаетъ ли капиталистъ рабочую силу на стоимости, имѣющія форму средствъ существованія, или же на деньги, это здѣсь не имѣетъ для насъ никакого значенія: говоря о процессѣ созданія новой стоимости, необходимо только теоретически установить ту сумму стоимостей, которую капиталистъ долженъ затратить на наемъ рабочаго.

Примѣненіе труда болѣе интенсивнаго или болѣе квалифицированнаго не представляетъ никакихъ теоретическихъ затрудненій. Мы разсматривали соответствующія трудовыя затраты какъ сложныя затраты, какъ равныя умноженнымъ затратамъ простаго труда. Поскольку трудъ является экономически сложнымъ, т.-е. поскольку

онъ представляетъ умноженное расходование рабочей силы, постольку и для восстановленія рабочей силы требуется умноженное количество средствъ существованія. Это выражается въ томъ, что стоимость квалифицированной рабочей силы соотвѣтственно выше, чѣмъ стоимость простой рабочей силы: здѣсь становится возможнымъ такое же сведеніе къ простой рабочей силѣ, какъ въ случаѣ съ сложнымъ трудомъ.

Возвращаемся теперь къ промышленному предпріятію. Предположимъ попрежнему, что трудъ прядильщика—простой трудъ и что рабочій день составляетъ 10 часовъ. Слѣдовательно, та новая стоимость, которую прядильщикъ въ теченіе рабочаго дня присоединяетъ къ стоимости цѣлесообразно потребляемыхъ средствъ производства, выразится какъ разъ въ 10 часахъ простого труда. Допустимъ, что средства существованія, необходимыя для поддержанія обычной работоспособности прядильщика, представляютъ 4 часа общественно необходимаго времени. Это и будетъ стоимостью рабочей силы прядильщика: той суммой стоимостей, которую онъ долженъ ежедневно получать отъ капиталиста для того, чтобы въ каждый слѣдующій день у него была возможность снова и снова продавать все тотъ же товаръ. Значитъ, рабочій ежедневно создаетъ для капиталиста новую стоимость, равную 10 часамъ труда, и получаетъ отъ него стоимость, равную 4 часамъ труда. Избытокъ въ 6 часовъ, остающійся у капиталиста, представляетъ прибавочную стоимость.

Рабочій день какъ бы распадается на двѣ различныя части. Въ теченіе одной изъ нихъ, 4 часовъ, рабочій просто возмѣщаетъ капиталисту ту стоимость, которую капиталистъ уплатилъ (или долженъ былъ уплатить) на основаніи договора найма. Какова бы ни была экономическая организація: представимъ ли мы рабовладѣльческое хозяйство, капиталистическое предпріятіе, артельный строй или социалистическое общество,—4 часа будутъ тѣмъ минимальнымъ рабочимъ временемъ, которое работникъ при данныхъ техническихъ отношеніяхъ долженъ затрачивать для того, чтобы добыть необходимыя средства существованія для себя и семьи. Въ этомъ смыслѣ 4 часа—необходимое рабочее время ¹⁾. Въ теченіе другой части

1) Примѣненіе одинаковыхъ терминовъ для выраженія нѣсколькихъ различныхъ понятій несомнѣнно представляетъ нѣкоторыя неудобства (ясныя уже для Маркса и Энгельса, авторовъ этихъ терминовъ). Въ одномъ случаѣ „необходимое рабочее время“—то, которое вообще создаетъ новую стоимость; въ другомъ—то, которое просто возсоздаетъ стоимость только такого специфическаго товара, какъ рабочая сила. Въ одномъ случаѣ оно означаетъ совокупное рабочее время, въ другомъ—только известную часть всего рабочаго дня. Однако на практикѣ,—такъ какъ каждый разъ точно оговаривается особое значеніе термина,—неудобства оказываются небольшими и болѣе чѣмъ искупаются огромной изобразительной силой обоихъ терминовъ.

рабочаго дня, 6 часовъ, рабочій производитъ прибавочную стоимость для капиталиста. Это—прибавочное рабочее время. Одну часть рабочаго дня онъ работаетъ какъ бы на себя, другую—на капиталиста ¹⁾. Соотношеніе этихъ частей рабочаго дня даетъ норму эксплуатаціи, или норму прибавочной стоимости («норма» употребляется здѣсь въ смыслѣ „средній или обычный уровень“, и не имѣетъ никакого касательства къ долженствованію). Въ нашемъ примѣрѣ она равна 6 (прибавочное время или прибавочная стоимость), дѣленнымъ на 4 (необходимое время или стоимость рабочей силы) = $\frac{6}{4} = 150\%$. Если бы въ другомъ примѣрѣ норма эксплуатаціи была равна 200%, это означало бы, что рабочій трудится на капиталиста вдвое больше (напр., 8 часовъ), чѣмъ на себя (4 часа). Предположивъ, что количество денежнаго матеріала, заключающееся въ 10 коп., является точнымъ выраженіемъ 1 часа общественно-необходимаго времени, мы нашли бы, что вся вновь созданная прядильщикомъ стоимость представляетъ 100 коп. и что она распределяется между капиталистомъ и рабочимъ въ отношеніи 60 коп. (прибавочная стоимость) къ 40 коп. (заработная плата). Норма эксплуатаціи выразится формулой 60 коп.: 40 коп. = $1\frac{1}{2} = 150\%$.

Мы видѣли, что стоимость цѣлесообразно потребленныхъ средствъ производства не увеличивается въ процессѣ труда. Она просто сохраняется благодаря рациональному производительному потребленію этихъ средствъ и появляется вновь какъ составная часть стоимости готоваго продукта. Значитъ, та часть капитала, которую предприниматель затратилъ на приобрѣтеніе объективныхъ условій производственнаго процесса—на покупку сырыхъ матеріаловъ, машинъ, зданій, угля и т. д.—не измѣняется въ своей величинѣ, пребываетъ постоянной въ процессѣ труда. Мы называемъ ее постоянной частью капитала, или, для краткости, постояннымъ капиталомъ и будемъ обозначать латинской буквой с (отъ constant, постоянный).

¹⁾ Мы говоримъ „какъ бы“ потому, что такое раздѣленіе рабочаго дня—просто одинъ изъ способовъ нагляднаго представленія производственныхъ отношеній между рабочимъ и предпринимателемъ. Но эти отношенія можно наглядно представить и въ видѣ двухъ различныхъ частей каждаго рабочаго часа: 24 минуты рабочій производитъ средства своего собственнаго существованія (т.-е. ихъ стоимость), 36 минутъ—прибавочную стоимость, присвоиваемую капиталистомъ. Ихъ можно представить, дальше, въ видѣ особыхъ частей готоваго продукта: столькими-то фунтами пряжи (напр., 30-ю) возмѣщается стоимость потребленныхъ средствъ производства, столькими-то (8-ю) стоимость рабочей силы прядильщика, столько-то фунтовъ представляютъ прибавочную стоимость. Все это будутъ исключительно наши способы представленія. Въ дѣйствительности необходимое время не ограничено отъ прибавочнаго, и стоимость каждой части продукта складается изъ стоимости потребленныхъ на нее средствъ производства и изъ вновь созданной стоимости.

Теперь мы видимъ, что другая часть капитала, та, которая затрачивается на приобретение субъективныхъ условий производства, на покупку рабочей силы, получаетъ благодаря производственному процессу совершенно иной характеръ. Цѣлесообразно потребляемая въ процессѣ труда, рабочая сила создаетъ большую стоимость, чѣмъ та, которую она представляетъ, которая уплачена за нее. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ 4-часовая стоимость, заплаченная за рабочую силу, превратилась въ процессѣ производства въ 10-часовую новую стоимость; каждыя 40 копеекъ, выражающія стоимость рабочей силы въ деньгахъ, превратились въ 100 копеекъ, выражающія въ деньгахъ же вновь созданную стоимость. Слѣдовательно, та часть капитала, которая затрачена на покупку рабочей силы, въ производственномъ процессѣ возрастаетъ, измѣняется въ своей величинѣ. Она называется переменною частью капитала, или, для краткости, переменнымъ капиталомъ и обозначается буквой *v* (отъ *variable*, переменный). Прибавочная стоимость (*Mehrwert*) обозначается буквой *m*. Норма эксплуатаціи приобретаетъ видъ $\frac{m}{v}$, или $\frac{m}{v}$.

Раскрывъ ту часть капитала, которая въ процессѣ производства увеличивается въ своей величинѣ, мы тѣмъ самымъ раскрыли, какимъ образомъ совершается увеличеніе всего промышленнаго капитала: какимъ образомъ предприниматель, превративъ на рынкѣ известную сумму стоимостей изъ денежной формы въ средства труда и рабочую силу, достигаетъ того, что въ концѣ-концовъ у него оказывается въ видѣ готовыхъ продуктовъ большая сумма стоимостей, чѣмъ первоначально затраченная. Онъ достигаетъ этого такимъ способомъ, что въ процессѣ производства прошлый, мертвый трудъ, заключающійся въ средствахъ производства и принадлежащій капиталисту, по образному выраженію Маркса, «впитываетъ», «всасываетъ» въ себя новый трудъ, что работнику приходится расходовать больше труда, чѣмъ было бы необходимо для воспроизводства его рабочей силы. Слѣдовательно, капиталъ увеличивается въ производственномъ процессѣ приложеніемъ чужого труда. Увеличенная новымъ трудомъ сумма стоимостей достается капиталисту, такъ какъ онъ—собственникъ всѣхъ условий труда. Капиталъ выступаетъ здѣсь совершенно ясно какъ сумма стоимостей, предназначенная къ возрастанію посредствомъ впитыванія чужого труда. Закупая на рынкѣ необходимые элементы производства, капиталистъ просто превращаетъ принадлежащія ему стоимости изъ одной формы въ другую. Образование же новой стоимости, увеличеніе существующей совершается не на

рынкѣ, не въ актахъ обмѣна, а въ самомъ предпріятіи, въ процессѣ труда.

По мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое предпріятіе, накопленіе пріобрѣтаетъ новый характеръ: становится возможнымъ какъ собственно капиталистическое, а не первоначальное накопленіе. Представимъ предпріятіе съ 1.000 рабочихъ и предположимъ, что остаются въ полной силѣ всѣ прежнія отношенія. Тогда v составляетъ 4 часа $\times$ 1.000 = 4.000 часовъ, или, въ денежномъ выраженіи, 40 к. $\times$ 1.000 = 400 руб.; $m = 6$ час. $\times$ 1.000 = 6.000 час., или, въ денежномъ выраженіи, 60 к. $\times$ 1.000 = 600 руб. Въ этихъ 600 руб. выражается ежедневное увеличеніе той стоимости, которая имѣется у предпринимателя, это — прибавочная стоимость, которой онъ не оплачивалъ и которой можетъ располагать всецѣло по своему усмотрѣнію. Такъ какъ средства труда потребляются цѣлесообразно, то онъ возмѣщаются соответствующей частью стоимости готоваго продукта. То же и съ v , переменнѣйшей частью капитала: она каждый день воспроизводится четырьмя тысячами часовъ необходимаго времени. Слѣдовательно, для того, чтобы производственный процессъ шель безостановочно въ прежнемъ масштабѣ, чтобы онъ ежедневно приносилъ 600 руб. прибавочной стоимости, на послѣднюю при нормальныхъ условіяхъ посягать не приходится. Это — чистый доходъ предпринимателя (и въ то же время основная форма чистаго общественнаго дохода). Если предприниматель ежедневно затрачиваетъ 100 руб. на свое личное потребленіе, его капиталъ все же будетъ каждый день возрастать на 500 руб. Въ этихъ 500 руб. выразится ежедневное накопленіе капитала. Если капиталистъ для насъ — просто представитель всего класса капиталистовъ, то въ соответственныхъ отношеніяхъ выразится накопленіе общественнаго капитала. Слѣдовательно, послѣдній возрастаетъ, накапливается потому, что классъ капиталистовъ присвоиваетъ прибавочную стоимость, производимую классомъ наемныхъ рабочихъ ¹⁾.

Такъ называемое первоначальное накопленіе существенно отли-

¹⁾ И эта же прибавочная стоимость, основная форма чистаго общественнаго дохода, представляетъ единственный фондъ, изъ котораго только и могутъ, безъ опасеній экономическаго упадка, покрываться всевозможныя такъ называемыя общественныя потребности. Если къ удовлетворенію ихъ привлекаются иные источники, то или потребленные средства труда восстанавливаются не въ достаточной мѣрѣ, — орудія труда ухудшаются, плодородіе почвы падаетъ, — или же не въ достаточной мѣрѣ восстанавливается рабочая сила, — повышается заболѣваемость и смертность, падаетъ работоспособность, рабочее населеніе вырождается. Обычно совершается и то и другое, — совершенно такъ же, какъ мы уже наблюдали при такой докапиталистической системѣ хозяйства, какъ крѣпостническая, или при такой предкапиталистической, какъ домашняя промышленность.

чается отъ этого, капиталистическаго накопленія. И купецъ, и ростовщикъ, и конкистадоръ, и директоръ или служащій колониальной компаніи, и другіе дѣятели первоначальнаго накопленія не принимали никакого участія въ процессъ производства. Они просто сосредоточивали въ своихъ рукахъ стоимости, произведенныя безъ нихъ, обычно даже до ихъ появленія. Приобрѣтая болѣе или менѣе ярко выраженный «внѣ-производственный» характеръ, ихъ дѣятельность въ типичныхъ своихъ формахъ была просто одностороннимъ завладѣніемъ, опирающимся на голое принужденіе. Если даже оно подкрѣпляется какими-либо юридическими титулами, какъ въ случаяхъ съ крѣпостнической эксплуатаціей или государственными поборами, то, лишенные опоры въ экономическихъ отношеніяхъ, эти титулы не въ состояніи прикрыть того факта, что реальной опорой оброковъ, контрибуцій и даней является политическое господство одного класса и полное безправіе другихъ.

Но это самое первоначальное накопленіе, отдѣляя работника отъ средствъ производства, подготовляло и все еще подготовляетъ экономическія предпосылки для капиталистическаго производства и капиталистическаго накопленія. Капиталистическій предприниматель (или классъ промышленныхъ капиталистовъ) и свободный наемный рабочій (или рабочій классъ) при развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ противостоятъ другъ другу, какъ равноправныя стороны, и обмѣниваются эквивалентами, т.-е. равными стоимостями. Никакая внѣшняя сила не принуждаетъ пролетарія отчуждать свою рабочую силу: онъ воленъ продавать и не продавать ее, соглашаться и не соглашаться на условія, предлагаемыя предпринимателемъ. И если онъ продаетъ ее, то исключительно по свободному, внутреннему побужденію: потому, что, если бы ему не удалось продать этотъ единственный товаръ, его ожидали бы муки голода.

Съ другой стороны, покупая рабочую силу, классъ капиталистовъ не обманываетъ, не обсчитываетъ рабочихъ, по полной стоимости оплачиваетъ ихъ товаръ. Если, напр., какъ мы предполагали выше, стоимость рабочей силы составляетъ 4 часа простого труда, то уже самый фактъ существованія и воспроизводства рабочаго класса въ ряду поколѣній показываетъ, что рабочій классъ въ цѣломъ постоянно получаетъ отъ класса капиталистовъ полную стоимость рабочей силы. Да ничего иного и не требуется при капиталистической эксплуатаціи: нанимая рабочую силу на день и полностью выплачивая ея стоимость, классъ капиталистовъ, какъ мы видѣли, простымъ удлиненіемъ рабочаго дня за предѣлы необходимаго времени получаетъ въ производственномъ процессѣ прибавочную стоимость. Въ то же время, безъ полной оплаты рабочей силы, чистое капита-

листоческое общество не могло бы и существовать сколько-нибудь длительно: рабочіе не могли бы воспроизводиться въ такомъ количествѣ и такой работоспособности, какъ то необходимо для капиталистическаго производства ¹⁾).

Первоначальное накопленіе только еще отдѣляетъ рабочаго отъ средствъ производства. Капиталистическое предпріятіе имѣетъ дѣло уже съ готовымъ фактомъ этого отдѣленія: ему просто остается увѣковѣчить исторически сложившееся разобщеніе средствъ труда и работника. И классъ капиталистовъ достигаетъ такого увѣковѣченія, трактуя рабочаго какъ равноправную сторону, полностью оплачивая его рабочую силу. Въ самомъ дѣлѣ, получивъ за свою рабочую силу стоимость, равную 4-часовому труду, рабочій можетъ превратить ее въ средства существованія, которыя даютъ ему и семьѣ возможность прожить одинъ день, и ничего больше. Значитъ, ежедневно возобновляя продажу своей рабочей силы, рабочій въ каждый слѣдующій день опять возвращается на рынокъ все такимъ же пролетаріемъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ обычной работоспособности: продажа рабочей силы, диктуемая отдѣленіемъ отъ средствъ производства, каждый разъ становится новымъ утвержденіемъ этого отдѣленія.

Съ другой стороны, предприниматель, собственникъ всѣхъ средствъ производства, превратившихся въ капиталъ, простымъ возобновленіемъ актовъ купли рабочей силы, простымъ ея использованіемъ въ производствѣ, увѣковѣчиваетъ свое существованіе въ качествѣ собственника всѣхъ средствъ производства. Одна часть стоимости готоваго продукта полностью возмѣщаетъ ему стоимость потребленныхъ средствъ труда; другая часть представляетъ новую стоимость, созданную наемными рабочими. Она не только возмѣщаетъ ту стоимость, которая затрачена на покупку рабочей силы, но и ежедневно оставляетъ избытокъ надъ этими затратами, прибавочную стоимость, которой капиталистъ ничѣмъ не оплачиваетъ. Значитъ, капиталистическій предприниматель имѣетъ возможность каждый день возобновлять куплю потребленныхъ въ предыдущій день средствъ производства и рабочей силы, и не просто возобновлять въ прежнемъ размѣрѣ, но, присоединяя къ авансированной суммѣ стоимостей нѣко-

¹⁾ Слѣдуетъ подчеркнуть еще разъ, что о покупкѣ рабочей силы по ея полной стоимости можно говорить постольку, поскольку рѣчь идетъ о чисто-капиталистическихъ отношеніяхъ. Если капитализмъ получаетъ рабочую силу изъ окружающихъ его докапиталистическихъ формъ, положеніе, какъ указано выше, бываетъ иное. Никогда не оплачивается полностью и рабочая сила тѣхъ слоевъ, напр., пролетаріевъ босяковъ, которые капиталистическимъ обществомъ обрекаются на затяжное, хроническое умираніе.

торую долю прибавочной стоимости, возобновлять закупки въ расширяющемся масштабѣ. Капиталистическій процессъ производства становится съ этой точки зрѣнія процессомъ воспроизводства капиталистическихъ отношеній: процессомъ воспроизводства съ одной стороны рабочаго, какъ наемнаго рабочаго, съ другой стороны капиталиста, какъ собственника всѣхъ средствъ производства.

Пока непосредственный производитель былъ неравноправенъ собственнику средствъ производства: помѣщику, купцу, промышленному предпринимателю,—классовыя отношенія, хотя они вытекали изъ всего прошлаго экономическаго развитія и всей экономической дѣйствительности, могли представляться производными отъ политическихъ отношеній, рѣшительная демократизація государства—полнымъ уничтоженіемъ классоваго господства. По мѣрѣ того, какъ осуществляется юридическое равенство обѣихъ сторонъ, рабочихъ и капиталистовъ, классовое господство выступаетъ въ чистомъ видѣ: какъ экономическое господство собственниковъ средствъ производства ¹⁾.

---

¹⁾ Въ дѣйствительности полное юридическое равенство обѣихъ сторонъ не осуществлено ни въ одной изъ современныхъ странъ. И при обычныхъ условіяхъ, и въ особенности въ моменты наиболее энергичной борьбы рабочаго класса, оно на каждомъ шагѣ нарушается судебной и административной практикой, а иногда, кромѣ того, и исключительнымъ законодательствомъ, направленнымъ противъ рабочихъ.

5. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость.

А. Производство абсолютной прибавочной стоимости.

Возвратимся къ числовымъ отношеніямъ, взятымъ выше для примѣра. Капиталистъ нанимаетъ 1.000 рабочихъ и уплачиваетъ каждому по 40 коп., соответствующихъ 4 часамъ труда, въ теченіе которыхъ рабочіе воспроизводятъ стоимость своей рабочей силы. Эти 4 часа—оплачиваемый капиталистомъ трудъ, или, для краткости, просто «оплаченный» трудъ. Для того, чтобы получить прибавочную стоимость, капиталистъ заставляетъ рабочихъ расходовать свою рабочую силу за предѣлы этого необходимаго времени. И чѣмъ дольше расходуется рабочая сила, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, больше масса и норма прибавочной стоимости. При 8-часовомъ рабочемъ днѣ, $m = 4$ -часовой стоимости, или 40 коп., масса прибавочной стоимости $= 4 \text{ ч.} \times 1.000 = 4.000 \text{ час.}$ (или $40 \text{ к.} \times 1.000 = 400 \text{ руб.}$). Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{40}{40} = 100\%$.

При 10-часовомъ рабочемъ днѣ соответствующія числа были: $m = 6$ -часовой стоимости, или 60 коп., масса прибавочной стоимости $= 6 \text{ ч.} \times 1.000 = 6.000 \text{ ч.}$ (или $60 \text{ к.} \times 1.000 = 600 \text{ руб.}$). Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{60}{40} = 150\%$. Слѣдовательно, благодаря

удлинению рабочаго дня съ 8 до 10 час., и норма, и масса прибавочной стоимости возрасли въ $1\frac{1}{2}$ раза. На каждые 4 часа оплаченнаго труда (40 коп.) предприниматель раньше получалъ четыре же часа (40 коп.) неоплаченнаго, теперь получаетъ 6 часовъ (60 коп.). При неизмѣнныхъ затратахъ на рабочую силу—при прежней величинѣ переменнаго капитала ($40 \text{ коп.} \times 1.000 = 400 \text{ руб.}$),—масса прибавочной стоимости выразится въ одномъ случаѣ въ 400 руб., въ другомъ—въ 600 руб.

При застойныхъ техническихъ отношеніяхъ увеличеніе абсолютной длины рабочаго дня является единственнымъ средствомъ увеличить ту часть его, которая представляетъ прибавочное время, и тѣмъ самымъ увеличить норму эксплуатаціи. Абсолютная величина прибавочнаго времени и прибавочной стоимости здѣсь увеличивается просто потому, что общее число рабочихъ часовъ возрастаетъ. А такъ какъ стоимость рабочей силы остается прежняя и, слѣдовательно, прежнимъ остается переменный капиталъ v , то норма эксплуатаціи увеличивается: прежде она была $\frac{m}{v}$, теперь становится $\frac{m+a}{v}$. Все дополнительное число рабочихъ часовъ (a) представляетъ чистый выигрышь для присвоителя прибавочной стоимости. Этотъ методъ ея увеличенія называется производствомъ абсолютной прибавочной стоимости.

Мы уже видѣли, въ какихъ широкихъ размѣрахъ примѣнялся и примѣняется этотъ методъ при нѣкоторыхъ докапиталистическихъ и предкапиталистическихъ организаціонныхъ формахъ: въ крѣпостной деревнѣ и въ области домашней промышленности. Совершенно естественно, что отъ него не отказывается и капиталистически организованное промышленное предпріятіе: предприниматель стремится превратить все время существованія рабочаго въ сплошное рабочее время. Во всѣхъ странахъ первые шаги промышленнаго капитализма были ознаменованы чрезвычайнымъ удлиненіемъ рабочаго дня. Рабочій день въ 15—18 часовъ не представлялъ ничего исключительнаго; во всѣхъ европейскихъ странахъ до сихъ поръ встрѣчаются отдѣльныя не подчиненныя общественному контролю производства съ такой продолжительностью рабочаго дня. Въ извѣстныхъ случаяхъ—напр., при ломкѣ смѣнъ—рабочій день превращается въ рабочія сутки (въ Россіи превращался даже на желѣзныхъ дорогахъ; когда желѣзнодорожныя катастрофы доходили до судебного разбирательства, обычно раскрывалось, что стрѣлочникамъ, кондукторамъ, машинистамъ нерѣдко приходилось безсмѣнно работать круглыя сутки). Такіе рабочіе часы устанавливались не только для взрослыхъ мужчинъ, но и для женщинъ и малолѣтнихъ,—иногда даже для 5—7-лѣтнихъ дѣтей. Недавняя, закончившаяся только съ новѣйшею революціей борьба русскихъ торговцевъ за право по своему произволу устанавливать часы торговли даетъ представленіе о томъ, насколько всякому капиталистическому предпріятію присущи тенденціи къ безграничному расширенію рабочаго дня.

За извѣстной границей, складывается такое положеніе, когда рабочему приходится ежедневно затрачивать больше трудовой энергіи, чѣмъ можетъ быть восстановлено въ часы отдыха: организмъ утра-

чиваетъ физиологическое равновѣсіе, его расходы не компенсируются приходами. Рабочая сила перестаетъ оплачиваться по ея стоимости, рабочій хилѣетъ. Лишь невѣроятная эластичность живого человѣческаго организма, способнаго превращать въ трудовую энергію силы, необходимыя для нормальнаго хода жизненныхъ процессовъ, нѣкоторое время маскируетъ тотъ фактъ, что капиталистъ потребляетъ большій товаръ, чѣмъ онъ оплачиваетъ. Взрослый рабочій-мужчина еще могъ оказать и дѣйствительно оказывалъ нѣкоторое сопротивленіе гнету предпринимателя. Выражалось ли это сопротивленіе въ организаціи тайныхъ союзовъ, или въ бурныхъ, разрушительныхъ забастовкахъ, или въ единоличныхъ террористическихъ актахъ: капиталисту, хотя на его сторонѣ во всякій моментъ стояла организованная сила государства, все же приходилось соблюдать извѣстную мѣру и осторожность, въ особенности по отношенію къ тѣмъ категоріямъ рабочихъ, которыхъ было бы нелегко замѣстить. А при томъ недостаткѣ подготовленныхъ «рабочихъ рукъ», который, какъ мы видѣли, нерѣдко чувствовался очень остро въ новыхъ отрасляхъ промышленности, первымъ предпринимателямъ волей-неволей приходилось ограничивать свои аппетиты.

Въ другихъ отрасляхъ извѣстныя границы удлиненію рабочаго дня ставятся самымъ характеромъ труда. Какъ ни эластиченъ человѣческій организмъ, при 15, 18-часовомъ трудѣ изо дня въ день его силы въ конецъ исчерпываются, внимательное выполненіе работы становится невозможнымъ. Количество браковки быстро растетъ, сырого матеріала затрачивается больше, чѣмъ надо, поломка инструментовъ и машинъ становится зауряднымъ явленіемъ. Конечно, выработанная система штрафовъ съ лихвой вознаграждаетъ предпринимателя, но и она, какъ мы уже видѣли по отношенію къ домашней промышленности, за извѣстнымъ предѣломъ оказывается безсильной. Тамъ, гдѣ требуется нѣкоторое изящество работы, гдѣ матеріалъ слишкомъ дорогъ и т. д., предприниматель горькимъ опытомъ вынуждается къ отказу отъ постояннаго увеличенія рабочихъ часовъ.

Слѣдуетъ думать однако, что въ раннюю эпоху промышленнаго капитала случаи этого рода не были сколько-нибудь многочисленными. Новая промышленность не успѣвала обслуживать быстро растущаго рынка, спросъ выросталъ быстрѣй предложенія, «браковка» (ситець, сукно, парусина—типичные продукты ранняго капитализма въ Россіи) находила обеспеченный сбытъ; при поставкахъ на армію и флотъ—на этихъ видныхъ заказчиковъ новой промышленности—браковка при помощи взятокъ и тому подобныхъ сдѣлокъ превращалась (и превращается) въ первосортный товаръ. Насколько беззащитенъ рабочій въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ отъ него требуется

простой механической трудъ, примѣромъ тому могутъ служить рогожныя фабрики, кирпичные заводы и разработка торфяниковъ. Всѣмъ своимъ видомъ рабочей здѣсь говорить, что капиталистъ потребляетъ не только ежедневно воспроизводящуюся рабочую силу, но и «основной фондъ» его организма ¹⁾.

Наконецъ, когда производственныя операціи носятъ очень элементарный характеръ, и если онѣ выполняются женщинами и дѣтьми, въ особенности безпріютными, вообще неспособными къ сопротивленію, отданными въ полную власть предпринимателя, потребление рабочей силы явно принимаетъ характеръ беспощаднаго потребления человѣческихъ жизней. Подчиняя своей власти широкіе слои населенія безъ различія пола и возраста, дополняя промышленно-капиталистическую эксплуатацію домашне-промышленной эксплуатаціей, принуждая къ постоянному удлиненію рабочаго дня, капиталъ превращалъ бѣлыхъ рабочихъ въ «бѣлыхъ рабовъ», создавалъ для нихъ—особенно для наиболѣе беспомощныхъ и незащитныхъ—такое положеніе, передъ которымъ блѣднѣютъ картины колониальнаго рабства.

При такихъ обстоятельствахъ рабочая сила могла воспроизводиться лишь не въ достаточной мѣрѣ,—не въ той мѣрѣ, какъ, согласно нашимъ прежнимъ предположеніямъ, она должна была бы воспроизводиться при чисто-капиталистическихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, такой капитализмъ, подобно рабовладѣльческой системѣ, можетъ существовать только при условіи притока рабочихъ силъ извнѣ, при возмѣщеніи изношенныхъ рабочихъ, преждевременныхъ инвалидовъ промышленности, такими рабочими, которые вырастаютъ внѣ сферы капиталистической промышленности. Мы уже видѣли, что такъ оно и было въ дѣйствительности,—и въ огромной степени остается такъ до настоящаго времени. Деревня представляетъ главный резервуаръ, изъ котораго капиталъ почерпаетъ свѣжихъ рабочихъ. Соединенныя дѣйствія растущихъ государственныхъ повинностей, торговаго и ростовщическаго капитала, обостряютъ давленіе скрытаго перенаселенія и обезпечиваютъ постоянный притокъ новыхъ рабочихъ къ домашней и капиталистической промышленности.

Поскольку деревня представляетъ часть того самаго общества, въ которомъ развивается капитализмъ, постольку высасываніе силъ изъ нея и быстрое потребление ихъ пріобрѣтаетъ такой же угрожающій характеръ, какъ это было уже при крѣпостнической системѣ хозяйства. Совершенно естественно и изъ совершенно такихъ же

¹⁾ Знаменательнъ неоднократно наблюдавшійся фактъ, что во времена вынужденной безработицы, напр., во время стачекъ или локаутовъ, общее состояніе здоровья въ соответствующихъ областяхъ иногда улучшалось: неизбѣжные дефициты въ потребленіи болѣе чѣмъ уравновѣшивались сокращеніемъ затратъ организма.

побуждений, какъ въ свое время «законодательство по охранѣ крестьянства», въ странахъ развивающагося капитализма возникаетъ «законодательство по охранѣ рабочихъ», зародышевая форма позднѣйшихъ фабричныхъ законовъ. Оно первоначально направляется только противъ грубѣйшихъ формъ эксплуатаціи, въ особенности противъ безграничной эксплуатаціи дѣтей и женщинъ, да и въ этой ограниченной области долгое время носить такой же преобладающе бумажный, показной характеръ, какъ крестьянское законодательство крѣпостной эпохи. Жизнь въ него вдыхаетъ только давленіе самихъ рабочихъ, только ихъ развертывающаяся классовая борьба. Въ большинствѣ странъ отсутствуютъ какія бы то ни было нормы, ограничивающія рабочій день женщинъ и дѣтей, занятыхъ въ домашней промышленности, она до сихъ поръ остается областью «производства абсолютной прибавочной стоимости» по преимуществу, — и это лучше всего показываетъ, что однѣ заботы о самосохраненіи не дальше двинули бы капиталистическое государство, чѣмъ въ свое время онѣ двинули государство крѣпостническое.

Какъ бы то ни было, и сопротивленіе взрослыхъ рабочихъ, и вынужденное вмѣшательство государства, и, наконецъ, просто физическая невозможность до безконечности увеличивать часы труда, — все это въ однѣхъ отрасляхъ раньше, въ другихъ позже, кладетъ извѣстныя границы производству абсолютной прибавочной стоимости. Тогда промышленный предприниматель долженъ перейти къ другому способу увеличенія нормы (и соответственно массы) прибавочной стоимости.

В. Производство относительной прибавочной стоимости.

1) Относительная прибавочная стоимость какъ результатъ исключительно высокой производительности труда (въ отдѣльномъ предпріятіи или странѣ). Предположимъ какъ и въ началѣ главы, что необходимое рабочее время составляетъ 4 часа. Предположимъ дальше, что время, общественно-необходимое для производства 10 фунтовъ пряжи, составляетъ какъ разъ рабочій день, равный 10 часамъ. Въ такомъ случаѣ стоимость одного фунта пряжи составитъ 1) изъ равнѣ созданной стоимости, уже заключавшейся въ тѣхъ средствахъ производства (сырой матеріалъ, орудія труда и т. д.), которые потребляются въ среднемъ при производствѣ каждаго фунта пряжи, плюсъ 2) вновь созданная стоимость, равная одному часу. Вся стоимость, ежедневно вновь создаваемая каждымъ прядильщикомъ, составитъ 1 часъ $\times$ $\times$ 10 = 10 час., или, въ денежномъ выраженіи (при всѣхъ прежнихъ

предположеніяхъ), 10 к. $\times 10 = 100$ коп. Изъ этой новой стоимости 4 часа (40 коп.) просто возмѣщаютъ авансированную предпринимателемъ переменную часть капитала, т.-е. ту стоимость, которая затрачена имъ на покупку рабочей силы, а остальные 6 час. (60 коп.) представляютъ его прибавочную стоимость.

Предположимъ теперь, что въ процессъ труда введены какія-либо усовершенствованія: или создана болѣе раціональная техническая организація, — напр., рѣшительнѣе и цѣлесообразнѣе проведено раздѣленіе труда, — или ручныя самопрядки замѣнены механически дѣйствующими станками. Пусть эти усовершенствованія проведены пока только однимъ предпринимателемъ, и пусть благодаря имъ въ предпріятіи послѣдняго на каждую простую рабочую силу придется уже не 10, а 20 фун. ежедневнаго производства. Рабочая сила прядильщика осталась такая же, какъ была раньше, расходуется она съ прежнею степенью интенсивности по 10 час. въ день, какъ и раньше. Предположимъ, что и стоимость средствъ производства, потребляемыхъ при производствѣ каждаго фунта, осталась въ среднемъ такая же, какъ была раньше, — напр., она попрежнему равна 5 час. или, въ денежномъ выраженіи, 50 коп. Значить, вся разница сведется къ тому, что раньше прядильщикъ производилъ въ одинъ часъ 1 ф. пряжи, а теперь производитъ 2 ф.: раньше онъ въ теченіе каждаго часа превращалъ въ фунтъ пряжи 5 час. мертваго труда, заключающагося въ средствахъ производства, а теперь превращаетъ удвоенное количество мертваго труда въ 2 фунта, въ удвоенное количество пряжи. Другими словами, раньше 1 фунтъ пряжи обходился въ 5 часовъ прошлаго труда (заключающагося въ потребленныхъ средствахъ производства) плюсъ 1 часъ текущаго труда, итого 6 часовъ (60 коп.); теперь для даннаго предпріятія онъ обходится въ 5 часовъ прошлаго труда плюсъ $\frac{1}{2}$ часа живого труда, итого $5\frac{1}{2}$ час. (55 коп.) ¹⁾.

Такъ какъ усовершенствованія введены только въ одномъ предпріятіи, то среднія для даннаго общества техническія условія остались неизмѣнными (точнѣе, измѣнились на очень ничтожную величину; опредѣляемую ролью даннаго предпріятія въ прядильной промышленности). Слѣдовательно, время, общественно-необходимое для

¹⁾ Эти цифры слѣдуетъ отличать отъ того, что на предпринимательскомъ языкѣ называется „себѣ-стоимостью“. Предприниматель исчисляетъ не общественныя трудовыя затраты, а исключительно свои денежные затраты. А денежные затраты, цѣна, какъ мы видѣли уже на примѣрѣ акцій, могутъ имѣть очень сложное отношеніе къ трудовой стоимости. И, наоборотъ, трудовая стоимость, хотя бы и въ искаженномъ видѣ, доходитъ до сознанія капиталиста лишь постольку, поскольку ее приходится оплачивать.

превращенія соотвѣтствующаго количества средствъ производства въ 1 фунтъ пряжи, попрежнему составляетъ 1 часъ, и общественная трудовая стоимость 1 фунта пряжи остается, какъ и была, 6 час. (5 час. въ средствахъ производства плюсъ 1 часъ труда прядильщика). Значитъ, въ каждомъ фунтѣ пряжи для предпринимателя оказывается попрежнему 1 часъ живого труда, если говорить не о томъ трудѣ, который фактически затраченъ на пряденіе 1 фунта въ его предпріятіи, а о томъ абстрактномъ трудѣ, который, при данномъ общемъ техническомъ уровнѣ прядильной промышленности, остается общественно-необходимымъ для полученія каждаго фунта пряжи. Такимъ образомъ новая стоимость, присоединенная къ стоимости средствъ, потребленныхъ на производство 20 ф. пряжи (ежедневнаго продукта прядильщика), представляетъ 20 час. общественно-необходимаго времени. Такъ какъ, согласно нашему предположенію, время, общественно-необходимое для воспроизводства рабочей силы прядильщика, составляетъ, какъ и раньше, 4 часа, то изъ вновь произведенной стоимости у предпринимателя остается чистый избытокъ въ 16 часовъ (20 ч.—4 ч.) Это—его новая прибавочная стоимость, взамѣнъ той, которую онъ получалъ прежде и получаютъ теперь остальные предприниматели, не успѣвшіе провести новыхъ техническихъ усовершенствованій. При прежнихъ техническихъ условіяхъ, какъ мы видѣли, $m=6$, $v=4$, $\frac{m}{v} =$

$\frac{6}{4} = 150\%$. При новыхъ техническихъ условіяхъ для нашего единичнаго предпринимателя $m = 16$, $v = 4$, $\frac{m}{v} = \frac{16}{4} = 400\%$. Масса и норма прибавочной стоимости увеличились въ $2\frac{2}{3}$ раза (въ отношеніи 16 : 6 и 400 : 150).

Тотъ излишекъ надъ обычной прибавочной стоимостью (или надъ его собственной прежней), которую получаетъ данный индивидуальный предприниматель, называется дополнительной или избыточной прибавочной стоимостью. Въ нашемъ случаѣ она = 16 час.—6 час. = 10 ч. На каждый фунтъ пряжи приходится $\frac{1}{2}$ часа дополнительной прибавочной стоимости. Она представляетъ разность между общественной стоимостью продукта (6 часовъ для единицы продукта, для одного фунта пряжи; 6 час. $\times$ 20 = 120 час. для всего ежедневнаго продукта, для 20 ф. пряжи) и его индивидуальной стоимостью для даннаго предпріятія (соотвѣтственно $5\frac{1}{2}$ часовъ для 1 фунта, и $5\frac{1}{2}$ час. $\times$ 20 = 110 ч. для 20 ф. пряжи).

Всѣ эти перемѣны можно представить и въ иномъ видѣ. Производительность труда въ данномъ предпріятіи вдвое выше, чѣмъ сред-

няя общественная для прядильнаго производства: здѣсь на превращеніе извѣстнаго количества средствъ производства въ 2 фунта пряжи требуется всего одинъ часъ труда, а во всемъ прядильномъ производствѣ, разсматриваемомъ какъ цѣлое, для этого требуется два рабочихъ часа. Одинъ рабочий часъ даннаго прядильщика даетъ такую же новую стоимость, какъ два рабочихъ часа общественно-средняго прядильщика, т. е. прядильщика, работающаго при среднихъ въ этомъ обществѣ техническихъ условіяхъ. Слѣдовательно, 2 рабочихъ часа нашего прядильщика оказываются эквивалентными 4 часамъ общественно-необходимаго времени. А этими 4-мя часами какъ разъ выражается стоимость рабочей силы прядильщика. Значитъ, благодаря исключительному техническому совершенству, исключительной производительности труда въ данномъ предпріятіи, необходимое рабочее время, — то, въ теченіе котораго прядильщикъ воспроизводитъ стоимость своей рабочей силы, — сокращается съ 4 до 2 часовъ. Такъ какъ предприниматель, оплативъ рабочую силу по ея стоимости, можетъ потреблять ее въ теченіе 10 часовъ, то онъ и не поступаетъ ни однимъ часомъ, а потому прибавочное время удлинняется съ 10 час. — 4 час. = 6 часовъ до 10 ч. — 2 ч. = 8 часовъ. Норма прибавочной стоимости возрастаетъ съ $\frac{6}{4} = 150\%$ до $\frac{8}{2} = 400\%$. Словомъ, все дальнѣйшее остается такъ же, какъ при прежнемъ способѣ исчисленія. Новый способъ только рельефнѣе показываетъ, что всякое повышеніе производительности труда, которое могло бы быть использовано для сокращенія числа рабочихъ часовъ или для расширенія производства потребительныхъ стоимостей, необходимыхъ всему обществу, при капиталистическомъ строѣ полностью идетъ въ пользу предпринимателя, собственника всѣхъ средствъ и условій труда.

Та прибавочная стоимость (или, какъ въ разобраннымъ случаѣ, тотъ избытокъ ея надъ обычной прибавочной стоимостью), которая возникаетъ вслѣдствіе сокращенія необходимаго рабочаго времени и соотвѣтственнаго измѣненія относительной величины двухъ составныхъ частей рабочаго дня, называется относительной прибавочной стоимостью.

Только что разсмотрѣнный способъ ея возникновенія — изъ необычайной производительности труда — объясняетъ цѣлый рядъ любопытныхъ явленій въ области экономической исторіи, и прежде всего — процессъ распространенія техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованныхъ пріемовъ труда. Нашъ предприниматель, продавая пряжу по ея общественной стоимости, выручалъ ежедневно отъ каждаго рабочаго по 100 копеекъ дополнительной прибавочной стоимости: дополнительной къ обычной, существующей для

средних прядильщиков-предпринимателей (техническая организация или оборудование не ниже среднего уровня) и составляющей 60 коп. въ день. Для того, чтобы расширить сбытъ своихъ товаровъ, онъ можетъ поступиться извѣстной долей этого индивидуальнаго избытка прибавочной стоимости, — онъ можетъ продавать пряжу ниже ея общественной стоимости¹⁾. Относительной дешевизной онъ будетъ одного за другимъ побивать своихъ конкурентовъ, расширять свое предпріятіе за счетъ ихъ гибнущихъ предпріятій, централизовать прядильное производство въ своихъ рукахъ, превращаться въ фактическаго монополиста. У его соперниковъ — только одно средство бороться съ его подавляющей монополіей: раскрыть его техническій секретъ, обезпечивающій повышенную производительность, или достигнуть того же результата посредствомъ примѣненія новыхъ изобрѣтеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что относительная прибавочная стоимость даетъ сильнѣйшій стимулъ къ разрыву съ рутиной, къ техническому прогрессу.

То же повторяется и въ отношеніяхъ между странами. Для Англій въ теченіе столѣтія до конца 70-хъ годовъ прошлаго вѣка существовало на міровомъ рынкѣ такое же положеніе, какъ въ нашемъ примѣрѣ — для отдѣльнаго предпринимателя. Въ области текстильной, горной, металлургической и машиностроительной промышленности она стояла внѣ конкуренціи. Какъ разъ дополнительная прибавочная стоимость, достававшаяся англійскимъ предпринимателямъ благодаря совершенной технической организаціи и цѣлому ряду открытій и изобрѣтеній, позволяла имъ сламывать всякую конкуренцію. Европейскій континентъ съ начала XIX вѣка все болѣе превращался въ поставщика сырыхъ матеріаловъ для Англій, экономически становился колоніей послѣдней. Уже упоминавшаяся наполеоновская «континентальная блокада» стремилась сломить эту промышленную гегемонію Англій. Но по окончаніи войнъ континентальная Европа возвратилась, въ общемъ, къ прежнему положенію. Англія съ своей стороны принимала всевозможныя мѣры съ той цѣлью, чтобы упрочить и увѣковѣчить свое исключительное положеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ еще дышатъ традиціями ремесленной эпохи, когда производственные приемы могли оставаться секре-

¹⁾ Примѣрныхъ вычисленій для иллюстраціи мы не приводимъ, — они слишкомъ элементарны. Мы могли бы предположить, что предприниматель поступается 40, 60, наконецъ 100 копейками дополнительной прибавочной стоимости, т.-е. продаетъ пряжу по 58, 57, 55 коп. за фунтъ: на данной ступени изслѣдованія мы еще можемъ предполагать, что нѣтъ обстоятельствъ, препятствующихъ предпринимателю дойти въ пониженіи цѣны до этого крайняго предѣла, опредѣляемаго индивидуальной стоимостью пряжи въ его предпріятіи.

томъ и когда эти тайны могли переселяться только вмѣстѣ съ работниками. Таковы прежде всего мѣры, которыя должны были до чрезвычайности затруднить или сдѣлать совсѣмъ невозможной эмиграцію искусныхъ рабочихъ изъ Англіи. Такъ какъ эти мѣры, закрѣпляя рабочихъ за англійскими предпринимателями, вели къ удешевленію «рабочихъ рукъ», то рабочій классъ велъ противъ нихъ энергичную борьбу, и отъ нихъ пришлось отказаться. Не больше успѣха имѣла и другая мѣра, очень популярная до второй четверти XIX вѣка, воспрещеніе вывоза машинъ изъ Англіи. Третья четверть прошлаго вѣка ясно показала, что и нужды въ такихъ искусственныхъ мѣрахъ не было: благодаря своему раннему техническому развитію, англійская промышленность все это время работала съ дополнительной прибавочной стоимостью.

Пока на континентѣ землевладѣльцамъ принадлежалъ рѣшительный политическій перевѣсъ, серьезной борьбы противъ промышленнаго преобладанія Англіи не могло быть: тѣмъ больше сырыхъ матеріаловъ (шерсть, ленъ, пенька, лѣсъ и т. д.) и хлѣба потребляли англійскіе промышленность и промышленные рабочіе, тѣмъ быстрее росли доходы континентальныхъ землевладѣльцевъ. Пошлины на ввозимые промышленные товары имѣли въ первую очередь фискальный характеръ: онѣ должны были, не особенно удорожая эти товары для потребителей, главнымъ образомъ опять-таки для землевладѣльцевъ, дать нѣкоторый прибавокъ къ государственному бюджету и тѣмъ самымъ избавить землевладѣльческіе доходы отъ обложенія или даже увеличить эти доходы (субсидіи, пожалованія, льготные сословные займы при содѣйствіи государства, увеличенные оклады крупныхъ чиновниковъ и проч.; особая форма вспомошествованія—сословно-пышное воспитаніе на государственный счетъ въ привилегированныхъ заведеніяхъ). При такомъ социальномъ-экономическомъ строѣ дѣлается какъ нельзя болѣе понятной трагическая судьба Фридриха Листа, пламеннаго агитатора, настойчиваго борца за національный «индустриализмъ» (Германія 30-хъ и начала 40-хъ годовъ прошлаго вѣка).

Но по мѣрѣ того, какъ выростала и крѣпла національная буржуазія—сначала ея переходные слои отъ торговой къ промышленной, а потомъ и промышленная—въ одной странѣ за другою идеи Листа какъ бы зарождались самопроизвольно, самостоятельно. «Педагогическій», «воспитывающій» протекціонизмъ сдѣлался лозунгомъ усиливающейся буржуазіи: таможенные пошлины должны были полностью уничтожить то преимущество, которое черпали иностранные предприниматели изъ дополнительной прибавочной стоимости, и тѣмъ самымъ сломить ихъ промышленную монополію, сдѣлать

возможнымъ зарожденіе и развитіе національной промышленности. Если бы мы сохранили всѣ цифры, взятыя выше для наглядности, и замѣнили предпріятіе съ исключительно производительнымъ трудомъ—Англіей, а остальныхъ «среднихъ» предпринимателей—Германіей (или Франціей) первой половины прошлаго вѣка, то стремленія промышленнаго протекціонизма можно было бы выразить въ такой схемѣ: всю ввозимую шерстяную пряжу Германія (или Франція) должна обложить пошлиной въ размѣрѣ 100 коп. съ фунта. Очевидно, производственные преимущества Англіи утратили бы тогда на германскомъ (или французскомъ) рынкѣ всякую силу: общественная стоимость пряжи опредѣлялась бы здѣсь цѣликомъ средними производственными условіями Германіи (или Франціи и т. д.), англійскія техническія отношенія не оказывали бы на нее никакого вліянія. Такимъ образомъ старинные націоналистическіе лозунги: «Германія для нѣмцевъ», «Франція для французовъ», начали жить новою жизнью. Теперь они означали: туземнымъ предпринимателямъ должна принадлежать вся прибавочная стоимость, какую только можно извлечь изъ снабженія ихъ страны промышленными продуктами,—туземный покупатель не долженъ извлекать никакихъ выгодъ изъ развитія средней міровой производительности человѣческаго труда.

При своемъ первоначальномъ выступленіи протекціонизмъ принималъ видъ педагогическаго протекціонизма: охранительныя пошлины должны были просто на время оградить національную промышленность отъ подавляющей конкуренціи. Тѣмъ самымъ онѣ должны были дать ей возможность пройти ту подготовительную школу, которая обезпечиваетъ перевѣсъ конкурентамъ, счастливыхъ исключительно потому, что они первые появились на свѣтъ: первые поставили промышленность на новыя техническія основы. Усвоеніе и дальнѣйшее развитіе этихъ основъ должно было совершаться подъ покровомъ охранительныхъ пошлинъ, въ «искусственно» созданной экономической атмосферѣ. Въ этомъ, но только въ этомъ смыслѣ развитіе все й европейской континентальной промышленности, и сѣверо-американской, и австралійской, и японской, и т. д. носило несомнѣнно «тепличный» характеръ ¹⁾.

¹⁾ Но въ такомъ же смыслѣ „тепличной“ была въ извѣстные моменты и англійская промышленность. Говоря о различныхъ стадіяхъ экономическаго развитія Англіи, которыя исторически были необходимыми предпосылками ея необыкновенно быстрого промышленно-капиталистическаго развитія, мы на каждомъ шагѣ встрѣчались съ различными формами государственнаго покровительства: средневѣковое покровительство шерстяной промышленности; борьба противъ промышленнаго развитія колоній; энергичная колониальная политика торгово-капиталистической эпохи; раздача субсидій и привилегій; покровительство иностраннымъ мастерамъ; воспрещеніе вывоза сырыхъ

При извѣстныхъ условіяхъ, усвоеніе новой техники дѣйствительно совершалось. Да и не могло не совершаться хотя бы уже потому, что фритредеры-аграріи, политически господствующій классъ, лишь послѣ упорнаго сопротивленія уступали вырастающей протекціонистской буржуазіи (расцвѣтъ протекціонизма въ Германіи начинается собственно лишь въ 70-хъ годахъ, въ Россіи относится къ слѣдующему десятилѣтію). Пошлины только въ исключительныхъ случаяхъ достигали размѣровъ избыточной прибавочной стоимости, извлекаемой англійскими предпринимателями. Англійскія предпріятія на протяженіи почти всего прошлаго вѣка служили для континентальной промышленной буржуазіи своего рода учебными мастерскими. Отсюда выписывались техники, управляющіе, усовершенствованныя машины, — сюда же поступали простыми рабочими сыновья и родственники континентальныхъ фабрикантовъ для того, чтобы до конца вывѣдать тайну промышленнаго превосходства Англій, — тайну производства избыточной прибавочно стоимости.

Какъ нельзя болѣе характерно, что въ новѣйшихъ, поистинѣ современныхъ отрасляхъ промышленности, химической и электрической, такую же роль стала играть къ концу прошлаго вѣка Германія (въ электротехнической промышленности отчасти и Бельгія). И знаменательнымъ показателемъ ускоряющейся быстроты техническихъ переворотовъ служитъ тотъ фактъ, что уже въ первомъ десятилѣтіи текущаго вѣка для европейскихъ промышленниковъ выдвигается новый лозунгъ, «американизмъ». Европейскіе промышленники ѣдутъ учиться въ Соединенные Штаты, американскіе методы технической организаціи трактуются на страницахъ спеціальныхъ изданій, возрастающая боязнь заантлантической конкуренціи заставляла уже поднимать рѣчь о томъ, что необходимо противопоставить ей достаточно обширную экономическую территорию, — «Соединенные Штаты Европы», — какъ объединяемая таможеннымъ союзомъ Германія въ свое время была противопоставлена англійской конкуренціи (эти страницы, написанныя въ 1911 году, мы оставляемъ въ прежнемъ видѣ ¹⁾).

матеріаловъ, машинъ и рабочихъ — въ позднѣйшіе періоды. Вообще нѣтъ ничего безсодержательнѣе разсужденій объ „искусственности“ промышленно-капиталистическаго развитія той или иной страны, — и объ исключительной „естественности“ его въ Англій.

¹⁾ Любопытно, что и русская промышленность не осталась чуждой „американизму“. Послѣ революціи 1905 года онъ съ особенной яркостью выступилъ въ установленіи нѣкоторыхъ новыхъ формъ расплаты и въ уточненныхъ пріемахъ перехода къ новымъ расцѣнкамъ, когда вводились новые методы производства (яли новыя машины) или производство новыхъ продуктовъ. Газеты нашихъ профессиональныхъ союзовъ нерѣдко приписывали введеніе этихъ пріемовъ личности того или иного мастера, не подозрѣвая, что мастеръ былъ простымъ исполнителемъ, — что за его „уловками“ таилась новая техническая система.

Выяснив значеніе избыточной прибавочной стоимости въ конкурентной борьбѣ и въ распространеніи новой техники, мы оказываемся передъ однимъ затрудненіемъ: чѣмъ же объяснить, что техническое развитіе континентальной Европы, несмотря на таможенное покровительство, хотя бы и умѣренное, совершалось такъ медленно? Чѣмъ объяснить, что, напр., Германія только въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка вырастаетъ въ достойнаго соперника Англии, и только съ того же времени южно-русская горная промышленность усваиваетъ совершенныя техническія формы? Ссылки на производственныя „тайны“ были бы пригодны для ремесленной, но не для новой капиталистической техники. Не даютъ достаточнаго объясненія и ссылки на „тепличную атмосферу“, создаваемую чрезмѣрнымъ покровительствомъ и „гипертрофированной прибылью“ и убивающую предпріимчивость. Конечно, высокія пошлины обезпечиваютъ хорошую прибыль и при рутинной teknikѣ,—но онѣ нисколько не уничтожаютъ той особой преміи за всякое повышеніе производительности, которою является дополнительная прибавочная стоимость.

Объясненіе этихъ явленій лежитъ въ той нормѣ прибавочной стоимости, которая является обычной для данной страны (напр., для Германіи половины XIX вѣка) или для данной отрасли промышленности (напр., для хлопчатобумажнаго производства). Возьмемъ какой-нибудь числовой примѣръ для иллюстраціи. Предположимъ хотя бы, что производство 100 пуд. гвоздей требуетъ 120.000 рабочихъ часовъ, если оно ведется безъ всякихъ механическихъ приспособленій. Слѣдовательно, всѣ эти рабочіе часы представляютъ „живой“ трудъ. Допустимъ, что изобрѣтена гвоздильная машина, на постройку которой уходитъ 100.000 рабочихъ часовъ, что эта машина при производствѣ 100 пудовъ гвоздей будетъ изношена безъ остатка и что живого труда на производство гвоздей потребуется теперь всего 20.000 рабочихъ часовъ. Значитъ, 100 пуд. гвоздей обойдутся въ 100.000 часовъ „мертвого“ труда, затраченнаго на производство машины, плюсъ 20.000 часовъ живого труда, направленнаго собственно на производство гвоздей; итого попрежнему 120.000 часовъ. При такихъ техническихъ отношеніяхъ для общества было бы совсѣмъ безразлично, какимъ способомъ производятся гвозди: слѣдуетъ ли затрачивать 120.000 рабочихъ часовъ непосредственно на производство гвоздей,—или же 100.000 часовъ на производство гвоздильной машины и только 20.000 часовъ на самое производство гвоздей. Слѣдовательно, если бы прогрессъ машиностроенія понизилъ трудовую стоимость гвоздильной машины до 99.000 рабочихъ часовъ, то социалистически-организованное общество обратилось бы къ машинному производству гвоздей: 100 пуд. обошлись бы ему въ 99.000 ча-

совъ прошлаго труда, затраченнаго на постройку машины, плюсъ 20.000 часовъ живого труда, итого 119.000 часовъ, т.-е. на каждой сотнѣ пудовъ для общества получалась бы чистая экономія въ 1.000 часовъ, которые могли бы быть затрачены на удовлетвореніе иного рода потребностей.

При капиталистическомъ строѣ расчеты пріобрѣтають иной видъ. Изъ тѣхъ 120.000 часовъ, которыхъ стоитъ рабочимъ производство 100 пудовъ гвоздей, предприниматель оплачиваетъ только необходимое время,—то время, въ теченіе котораго рабочіе просто воспроизводятъ стоимость своей рабочей силы; слѣдовательно, согласно прежнимъ предположеніямъ, онъ оплачиваетъ только 4 изъ каждыхъ 10 часовъ, значить, 48.000 изъ 120.000 часовъ. Остальные 72.000 часовъ представляютъ для него неоплаченный трудъ, это — его прибавочная стоимость. Напротивъ, гвоздильную машину ему пришлось бы оплатить полностью по ея общественной стоимости: на теперешней ступени изслѣдованія мы должны предполагать, что всякій предприниматель, въ томъ числѣ и машиностроительный, полностью выручаетъ всю прибавочную стоимость, которая заключается въ продуктахъ его предпріятія. Итакъ, предприниматель-гвоздарь платитъ за машину 100.000 часовъ, да кромѣ того изъ 20.000 живого труда оплачиваетъ 8.000 часовъ. 100 пудовъ гвоздей обходятся ему въ 108.000 оплачиваемыхъ часовъ. У него не только не остается никакой дополнительной прибавочной стоимости,—хуже того: огромная „экономія“ оказывается на сторонѣ ручнаго гвоздарнаго производства.

Для того, чтобы капиталистъ ввелъ гвоздильную машину, необходимо огромное пониженіе ея трудовой стоимости. Именно, когда послѣдняя опустится до 40.000 рабочихъ часовъ, для предпринимателя будетъ безразлично, производить ли гвозди ручнымъ или машиннымъ способомъ. Тогда весь оплачиваемый капиталистомъ трудъ, необходимый при производствѣ 100 пудовъ гвоздей, выразится въ 40.000 часовъ мертваго труда (въ машинѣ) плюсъ 8.000 часовъ живого труда (оплачиваемая часть 20.000 часовъ). Дальнѣйшее пониженіе стоимости машины на 1.000 часовъ поведетъ къ тому, что у него получится своего рода избыточная прибавочная стоимость, равная какъ разъ этой тысячѣ.

Значительно иной результатъ получился бы, если бы норма эксплуатаціи была не такъ высока, если бы она составляла не $6:4=150\%$, какъ взято у насъ, а напр., $5:5=100\%$. Тогда введеніе машины становится выгоднымъ для предпринимателя, какъ только ея трудовая стоимость падаетъ ниже 50.000 часовъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 120.000 часовъ, которыхъ стоитъ производство

100 пудовъ гвоздей ручнымъ способомъ, ему пришлось бы оплачивать уже 60.000 часовъ. Точно такъ же изъ тѣхъ 20.000 часовъ живого труда, которые требуются при машинной работѣ, ему пришлось бы оплатить 10.000 часовъ. Вмѣстѣ съ 50.000 часами прошлаго труда, представляемаго машиной, это составило бы въ общей сложности 60.000 часовъ оплачиваемаго труда: столько же, сколько при ручномъ производствѣ гвоздей. Значить, всякое дальнѣйшее пониженіе стоимости машины будетъ уже оставлять предпринимателю извѣстный избытокъ надъ обычной прибавочной стоимостью ¹⁾.

Итакъ, чѣмъ выше норма эксплуатаціи, чѣмъ безграничнѣе возможность увеличивать ее постояннымъ удлиненіемъ рабочаго дня—значить, чѣмъ шире просторъ для производства абсолютной прибавочной стоимости,—тѣмъ медленнѣе появляются у предпринимателя побужденія къ техническимъ усовершенствованіямъ, тѣмъ позже обращается онъ къ методамъ, которые увеличиваютъ норму и массу его прибавочной стоимости повышеніемъ производительности труда. Единственнымъ способомъ вынуждать рабочихъ къ производству дополнительной стоимости является для него постоянная урѣзка распѣнокъ и удлиненіе рабочаго дня.

Мы получаемъ такимъ образомъ объясненіе пѣлаго ряда явленій экономической исторіи. Прежде всего, того поразительнаго факта, что отсталыя страны цѣлыми десятилѣтіями сохраняютъ техническую неподвижность,—и потомъ какъ бы разомъ, иногда въ какое-нибудь пятилѣтіе, пробуждаются отъ долгаго сна, быстро догоняютъ и начинаютъ перегонять передовыхъ конкурентовъ. Необходимо высокое развитіе соответствующихъ отраслей машиностроенія, необходимо очень значительное повышеніе производительности труда примѣненіемъ усовершенствованныхъ машинъ для того, чтобы предприниматели отсталыхъ странъ перестали ограничиваться усиленнымъ выжиманіемъ абсолютной и перешли къ производству относительной прибавочной стоимости. Уже много разъ отмѣчалось, хотя и безъ достаточныхъ объясненій этого явленія, что отсталыя страны, когда наступаетъ ихъ время, усваиваютъ послѣднее слово промышленной техники, ея наиболѣе совершенныя формы и не знаютъ той затяжной «промышленной выучки», тѣхъ послѣдовательныхъ этаповъ «приготовительной школы», черезъ которые проходили экономически передовыя страны, въ особенности Англія. «Дѣти» здѣсь начинаютъ съ того, на чемъ въ данный моментъ остановились «отцы».

¹⁾ Въ общемъ тотъ же выводъ получится, если мы предположимъ, что стоимость машины не измѣняется, но за то благодаря ея усовершенствованію все болѣе понижается количество живого труда, необходимаго для производства 100 пудовъ гвоздей машиннымъ способомъ.

Здѣсь же лежитъ объясненіе того вліянія, которое оказываетъ на развитіе техники фабричное законодательство и въ частности—сокращеніе рабочаго дня, установленіе его максимальныхъ предѣловъ, а также соотвѣтствующія завоеванія профессиональных союзовъ рабочихъ. Все это ставитъ производство абсолютной прибавочной стоимости въ извѣстныя границы. Иллюстраціей можетъ служить хотя бы чрезвычайно быстрое распространеніе наборной машины въ Россіи послѣ 1905 года.

Но тѣ же явленія развертывались и въ эпоху перехода отъ домашне-промышленной къ централизованной организаціи производства. Кустарь «борется съ машиною», противопоставляя ей свою безграничную способность къ голоданію и къ удлиненію рабочаго дня. Пока у капиталиста-скупщика остается возможность повышать такимъ образомъ норму эксплуатаціи, онъ не станетъ дѣлать затратъ, которыхъ потребовала бы отъ него технически-централизованная организація промышленности: онъ не будетъ строить собственныхъ мастерскихъ, покупать машины и т. д. Таково было, напр., положеніе Силезіи 40-хъ годовъ прошлаго вѣка (напомнимъ знаменитый бунтъ бумаго-ткачей,—это были кустари,—описанный Вильгельмомъ Вольфомъ и потомъ изображенный по его описанію въ «Ткачахъ» Гауптмана). Только съ того времени, когда новая техника начинаетъ давать огромное повышеніе производительности труда, для капиталистовъ становится выгоднымъ переходить къ организаціи промышленныхъ предпріятій. Работа окончательно уходитъ отъ кустарей. Ихъ медленное, хроническое вырожденіе смѣняется быстрымъ, стремительнымъ вымираніемъ. Такова окончательная гибель ланкаширскихъ ручныхъ бумаго-ткачей въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, такова около того же времени гибель старинныхъ ткачей Остѣ-Индіи («Бѣдствію этому едва ли найдется аналогія въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣлѣютъ костями хлопко-ткачей»,—по донесенію остѣ-индскаго генераль-губернатора, цитир. въ I т. «Капитала» Маркса).

Такимъ же способомъ бесконечно долго «сопротивляется» техническому прогрессу мелкій «самостоятельный» крестьянинъ.

2. Относительная прибавочная стоимость, какъ результатъ общаго повышенія производительности труда. Дополнительная прибавочная стоимость сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока повышенная производительность того или иного предпріятія (или, для извѣстной отрасли производства, той или иной страны по сравненію съ другими) остается исключительной производительностью. Исчезаетъ эта исключительность,—исчезаетъ и дополнительная прибавочная стоимость. А что первая, если только она не вытекаетъ изъ какихъ-либо обстоятельствъ, единственныхъ

по самому своему существу, монопольныхъ по своей природѣ, можетъ быть только временной, въ этомъ мы могли убѣдиться на основаніи всего предыдущаго.

Исходной точкой нашего изслѣдованія послужило такое общественно-техническое состояніе прядильной промышленности, когда прядильщикъ, производительно потребляя въ теченіе часа средства производства, представляющія стоимость въ 5 час. (50 к.), превращалъ ихъ въ 1 фунтъ пряжи. Общественная стоимость послѣдняго составлялась изъ 5 часовъ прошлаго труда плюсъ 1 часъ текущаго, итого 6 часовъ. Для 10-часового рабочаго дня мы получали пряжи 10 фун.; ихъ общественная стоимость составлялась изъ 50 час. (500 коп.) прежней стоимости, уже заключавшейся въ средствахъ производства, плюсъ 10 час. (100 коп.) новой стоимости, просоединенной къ нимъ прядильщикомъ, итого 60 час. (600 коп.).

Предположимъ теперь, что всѣ предприниматели даннаго общества провели тѣ усовершенствованія, которыя сначала примѣнялись только въ нашемъ исключительномъ предпріятіи. Тогда исключительныя техническія условія послѣдняго превращаются въ среднія техническія для цѣлаго общества. Средній прядильщикъ изготовляетъ въ часъ уже не одинъ, а два фунта пряжи и, согласно нашему предположенію, потребляетъ въ часъ соотвѣтственно большее количество средствъ производства, т. е. стоимостью уже не въ 5 часовъ (50 коп.), а въ 10 часовъ (100 коп.). Но одинъ часъ на производство 2 фунтовъ пряжи становится теперь уже общественно-необходимымъ временемъ, и потому общественная стоимость этихъ 2 фунтовъ составитъ теперь изъ 10 час. (100 коп.) въ цѣлесообразно потребленныхъ средствахъ производства плюсъ 1 часъ (10 коп.) текущаго производства прядильщика, итого 11 час. (110 коп.). Общественная стоимость 1 фунта— $5\frac{1}{2}$ час. (55 коп.). Для 10-часового рабочаго дня получится: на производство 20 фун. пряжи 1) потреблены средства производства стоимостью въ 5 час. $\times 20 = 100$ час. (1.000 коп.); 2) затрачено живого труда 10 час. (100 коп.). Въ итогѣ для 20 фун. хлопка получается общественная стоимость въ 110 час. (1.100 коп.). Вновь произведенная стоимость составитъ столько же, сколько составляла въ прежнихъ рядовыхъ предпріятіяхъ: 10 час. (100 коп.). Такъ какъ необходимое время—то, въ теченіе котораго воспроизводится стоимость рабочей силы, — попрежнему составляетъ 4 часа (40 к.), то предпринимателю остается 6 час. (60 коп.): столько же, какъ и раньше. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ недавнія исключительныя производственныя условія превращаются въ среднія общественныя, и масса и норма прибавочной стоимости ($6 : 4 = 150\%$) возвращаются къ старому уровню. Весь этотъ процессъ измѣненій

составляетъ одинъ длительный результатъ: средняя общественная производительность труда въ прядильномъ дѣлѣ поднимается на новый уровень, общественная трудовая стоимость фунта пряжи падаетъ: раньше она составляла 6 час. (60 коп.), теперь составляетъ $5\frac{1}{2}$ час. (55 коп.).

Совершаясь въ цѣломъ рядѣ отраслей производства, повышение общей производительности труда оказываетъ влияние на стоимость рабочей силы. Мы уже знаемъ, что стоимость рабочей силы въ конечномъ счетѣ есть не что иное, какъ стоимость необходимыхъ средствъ существованія рабочаго. Всякое пониженіе стоимости послѣднихъ равносильно пониженію стоимости рабочей силы. Если стоимость пищи, одежды и другихъ предметовъ, потребленіемъ которыхъ возстановляется ежедневно затрачиваемая рабочая сила, составляла раньше 4 часа, а теперь, вслѣдствіе повышения производительности труда въ соответственныхъ отрасляхъ производства, составляетъ 3 часа, то это значитъ, что капиталистъ можетъ затрачивать на покупку каждой рабочей силы 3 часа вмѣсто прежнихъ 4 часовъ въ день. И, несомнѣнно, онъ въ полной мѣрѣ используетъ эту возможность.

Мы уже отчасти видѣли тѣ силы, которыя съ начала торгово-капиталистической эпохи благоприятствовали ему, — и теперь мы могли бы наблюдать ихъ на каждомъ шагу. Это, прежде всего, то постоянное повышение цѣнъ, которое въ XVI вѣкѣ приобрѣло характеръ острой революціи цѣнъ, но которое продолжалось и далеко за предѣлами этого вѣка. Пониженіе стоимости и мѣновой стоимости денежныхъ металловъ, съ одной стороны, и развитіе мѣновыхъ отношений — переходъ отъ продажи избытковъ къ продажѣ продуктовъ, съ самаго начала производимыхъ въ качествѣ товаровъ, — съ другой, и въ XVIII, и въ XIX вѣкѣ и въ наше время постоянно гнали вверхъ цѣны необходимыхъ средствъ существованія, какъ разъ тѣхъ средствъ, которыя въ потребленіи рабочаго играютъ главную роль.

Значитъ, хотя бы капиталистъ не принималъ никакихъ особенныхъ мѣръ, не велъ открытаго наступленія на рабочихъ, рабочій классъ постоянно живетъ подъ растущимъ давленіемъ: при неизмѣнности расцѣнковъ, при прежнемъ уровнѣ денежныхъ заработковъ уровень его жизни, незамѣтно для него, чисто механически понижается благодаря общему движенію цѣнъ, характеризующему капиталистическую эпоху. Рабочій все время оказывается въ невыгодномъ положеніи обороняющейся стороны, притомъ стороны, которая не знаетъ и не видитъ, гдѣ ея врагъ ¹⁾.

¹⁾ Этому затемненію дѣйствительнаго положенія не мало содѣйствуютъ между прочимъ однокіе апостолы коопераціи (именно потребительныхъ обществъ), которые

Рабочій вынуждается отъ привычныхъ предметовъ потребленія переходить къ суррогатамъ этихъ предметовъ, напр., отъ говядины къ болѣе дешевой свининѣ (теперь на Западѣ въ замѣтныхъ размѣрахъ — къ конинѣ; это было написано года за два до войны, въ настоящее время, въ связи съ вызваннымъ войною величайшимъ экономическимъ истощеніемъ, и въ Россіи быстро возрастаетъ потребленіе конины), отъ свинины — къ одному салу, да и вообще сокращать потребленіе животной пищи и замѣнять ее растительною. Въ то же время капитализмъ, изслѣдуя всѣ страны земли, стремительно развивая средства транспорта, съ одной стороны акклиматизируетъ такія новыя растенія, а съ другой — массами доставляетъ такіе растительные продукты, которые какъ будто призваны удешевить существованіе и воспроизводство рабочаго класса. Въ этой связи стоитъ только напомнить хлопокъ, который уже въ XVIII вѣкѣ вытѣсняетъ ленъ, представляющій болѣе высокую трудовую стоимость; дальше, кукурузу (маисъ), вывезенную изъ Америки, и въ особенности вывезенный оттуда же картофель. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка органы государства во Франціи, Пруссіи и Россіи съ неопиуемой энергіей, иногда при помощи самыхъ крутыхъ мѣръ, начали распространять культуру картофеля, какъ будто у нихъ было инстинктивное предчувствіе, какую колоссальную роль предстоитъ ему сыграть въ удешевленіи рабочей силы. Въ настоящее время не хлѣбъ, не пшеница и даже не болѣе дешевая рожь, а картофель съ добавкой нѣсколькихъ кусочковъ свиного сала является главнымъ предметомъ питанія для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ.

Итакъ, цѣлый рядъ обстоятельствъ, глубоко связанныхъ съ общимъ ходомъ капиталистическаго развитія, приводитъ къ пониженію трудовой стоимости средствъ массоваго потребленія, такъ называемыхъ предметовъ первой необходимости. Трудовая стоимость рабочей силы падаетъ. Если раньше, согласно нашему предположенію, она выражалась въ 4 часахъ необходимаго времени въ день,

игнорируютъ тотъ фактъ, что по всѣмъ условіямъ капиталистическаго развитія она играетъ роль средства скорѣе обороны, чѣмъ наступленія. Возвеличивая свое неравное превосходство передъ Лассалемъ съ его „железнымъ закономъ заработной платы“, они не замѣчаютъ, что имѣются въ современной экономической обстановкѣ явленія, которыя въ извѣстной мѣрѣ оправдываютъ даже не столько строго научную, сколько сознательно-агитационную формулировку Лассала. — Этой формулировки мы не приводимъ: при всемъ своемъ, иногда огромномъ, расхожденіи съ воззрѣніями Маркса, лежащими въ основѣ нашего изложенія въ текстѣ, она родственна этимъ воззрѣніямъ, какъ и вообще экономическія воззрѣнія Лассала, несмотря на перѣдкія противорѣчія, невыдержанность, эклектизмъ, стремленіе опереться на авторитетъ буржуазной науки, все же родственны экономической системѣ Маркса.

то, послѣ всего предыдущаго, мы должны предположить, что съ развитіемъ общественныхъ производительныхъ силъ она будетъ послѣдовательно понижаться до $3\frac{1}{2}$, 3, $2\frac{1}{2}$, 2 часовъ въ день,—прибавочное время будетъ соответственно возрастать. Такимъ образомъ, при неизмѣнной продолжительности рабочаго дня (10 часовъ) и при сокращеніи необходимаго рабочаго времени до 2 ч., прибавочное время составитъ 8 часовъ. Масса прибавочной стоимости увеличится съ 6 до 8 часовъ, норма прибавочной стоимости возрастетъ съ $\frac{6}{10} = 150\%$ до $\frac{8}{2} = 400\%$.

Раньше мы видѣли, что предприниматель имѣетъ полную возможность использовать исключительную производительность въ своемъ предпріятіи цѣликомъ въ своихъ интересахъ, для того, чтобы получить извѣстный избытокъ надъ той прибавочной стоимостью, которую извлекають другіе предприниматели. Теперь мы видимъ, что общее повышение производительности труда, результатъ всего общественнаго развитія, позволяетъ всему классу предпринимателей увеличивать массу и норму прибавочной стоимости, извлекаемой изъ всего рабочаго класса. Раньше относительная прибавочная стоимость принимала форму дополнительной прибавочной стоимости отдѣльнаго предпринимателя. Теперь она является просто увеличенной по сравненію съ прежней прибавочной стоимостью всего класса промышленныхъ капиталистовъ.

3) Сходства и различія между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью. Въ предыдущемъ можно было неоднократно замѣтить, что въ ходѣ экономическаго развитія разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью ступеневывается. Самая возможность производить абсолютную прибавочную стоимость появляется на извѣстной ступени общественнаго развитія человѣчества, — именно съ того времени, когда, вслѣдствіе повышения производительности общественнаго труда, уже не все рабочее время производителя представляетъ его необходимое время. Являясь результатомъ повышенной производительности, прибавочная стоимость съ самаго начала можетъ рассматриваться какъ относительная прибавочная стоимость. Но такъ какъ она получается вслѣдствіе простого удлиненія рабочаго дня за предѣлы необходимаго времени, то не меньшее сходство обнаруживается въ ней и съ абсолютною прибавочной стоимостью.

И для позднѣйшихъ эпохъ экономическаго развитія раскрывается то же самое: различіе между двумя основными способами, которыми увеличивается прибавочная стоимость, извлекаемая изъ производителей,—не абсолютное, а относительное, условное различіе. Однако проведеніе его до чрезвычайности важно въ методологическомъ

отношеніи: оно позволяет съ большою рельефностью выдвинуть основныя черты, которыми характеризуется выжиманіе прибавочной стоимости съ одной стороны въ эпохи съ застойною техникой, а съ другой—въ эпохи съ революціонною техникой. Такъ, мы видѣли, напр., что крѣпостническое хозяйство и домашнюю промышленность можно характеризовать какъ системы съ преобладающимъ производствомъ абсолютной прибавочной стоимости, а капиталистическую промышленность—какъ систему съ преобладающимъ производствомъ относительной прибавочной стоимости. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи и это различіе оказывается относительнымъ. Мы упомянемъ только о двухъ обстоятельствахъ, представляющихъ особый интересъ въ данной связи.

I. Уже въ крѣпостническомъ хозяйствѣ и еще больше въ сферѣ домашней промышленности началось усиленное привлеченіе женщинъ и дѣтей къ производительному труду. Ту увеличенную стоимость, которую благодаря этому извлекаетъ помѣщикъ или посредникъ, можно разсматривать и какъ абсолютную, и какъ относительную прибавочную стоимость. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что жена и малолѣтній, вновь привлекаемые отъ семьи каждаго работника къ промысловому труду, даютъ въ совокупности одну такую же рабочую силу, какъ у взрослага работника. Пусть трудовая стоимость обычныхъ предметовъ потребленія рабочей семьи составляетъ 4 рабочихъ часа. Тогда получился бы такой результатъ: при 10-часовомъ рабочемъ днѣ, пока въ производствѣ былъ занятъ только взрослый работникъ, онъ давалъ 6 часовъ прибавочнаго труда. Теперь, благодаря „полу-работникамъ“, рабочий день семьи какъ бы увеличился до 20 часовъ въ день, и за вычетомъ 4 часовъ необходимаго труда онъ оставляетъ уже 16 часовъ прибавочнаго труда. Прибавочная стоимость увеличилась какъ бы простымъ удлиненіемъ рабочаго дня, и добавокъ къ ней является въ этомъ смыслѣ абсолютной прибавочной стоимостью. Но Марксъ (I т. „Капитала“) разсматриваетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда главнымъ образомъ въ отдѣлѣ, посвященномъ методамъ производства относительной прибавочной стоимости ¹⁾. И для этого у него были очень простыя и убѣдительныя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ прежнихъ предположеніяхъ, выходитъ, что необходимый трудъ раньше составлялъ 4 часа на одну рабочую семью; теперь онъ составляетъ столько же, но отбывается не однимъ взрослымъ работникомъ, а его женой

¹⁾ Марксъ вообще предполагалъ, что эксплуатація женскаго и дѣтскаго труда сдѣлалась возможной въ широкихъ размѣрахъ вслѣдствіе развитія машины. Мы уже не одинъ разъ видѣли, что это не совсѣмъ такъ.

и малолѣтнимъ сыномъ, которые даютъ еще одну дополнительную рабочую силу. Если передъ нами развитыя капиталистическія отношенія и рабочая сила покупается на рынкѣ, то выйдетъ, что раньше капиталистъ покупалъ за 4 часа одну рабочую силу, а теперь покупаетъ за тѣ же 4 часа двѣ рабочихъ силы: стоимость рабочей силы уменьшилась вдвое. Какъ результатъ этого удешевленія рабочей силы, увеличенная прибавочная стоимость является относительной прибавочной стоимостью. Во всякомъ случаѣ мы приходимъ къ тому выводу, что примѣненіе труда женщинъ и дѣтей является для капиталиста (и для класса капиталистовъ) однимъ изъ способовъ удешевить рабочую силу ¹⁾.

II. Повышая массу и норму прибавочной стоимости посредствомъ болѣе совершенной технической организаціи, болѣе совершенныхъ производственныхъ методовъ и машинъ, ни отдѣльный предприниматель, ни классъ промышленныхъ капиталистовъ въ цѣломъ никогда не отказываются и отъ дальнѣйшаго увеличенія своей доли простымъ удлиненіемъ рабочаго дня. Только сопротивленіе рабочаго класса ставитъ предѣлы этому стремленію къ производству абсолютной стоимости на новомъ техническомъ базисѣ.

4) Относительная прибавочная стоимость и доля рабочаго класса въ общественномъ доходѣ. Общая сумма живого труда, прилагаемаго обществомъ къ производству въ теченіе года, опредѣляетъ общую сумму его годового дохода—сумму новыхъ стоимостей, создаваемыхъ въ теченіе года. Изъ этой суммы одна часть, которая въ капиталистическомъ обществѣ принимаетъ форму переменнаго капитала, просто возмѣщаетъ тѣ стоимости, которыя долженъ былъ потребить рабочій классъ для того, чтобы къ слѣдующему году сохранить прежнюю численность и работоспособность. Другая часть, прибавочная стоимость, представляетъ чистый доходъ общества. Она или цѣликомъ потребляется непродводительными классами общества,—если производство въ слѣдующемъ году будетъ совершаться въ прежнихъ размѣрахъ,—или же нѣкоторая доля ея къ слѣдующему году накапливается: авансируется на расширеніе производства для того, чтобы присвоители приба-

¹⁾ Предыдущія числовыя иллюстраціи требовали бы нѣкоторой поправки. Привлеченіе женщинъ и дѣтей къ промышленному труду, несомнѣнно, сопровождается увеличеніемъ ежедневныхъ тратъ ихъ организма. Превратившись въ „рабочія силы“, женщина и малолѣтній для того, чтобы поддерживать свои организмы въ постоянномъ равновѣсіи, должны потреблять больше средствъ существованія, чѣмъ потребляли раньше: напр., стоимостью въ 3 часа (30 коп.) вмѣсто прежнихъ 2 час. Тогда вся поправка свелась бы къ тому, что предприниматель раньше покупалъ одну рабочую силу за 4 часа, теперь покупаетъ двѣ рабочихъ силы за 5 час.

вочной стоимости могли въ слѣдующемъ году извлекать изъ расширеннаго производства соотвѣтственно возросшую прибавочную стоимость. Въ такомъ случаѣ потребительный фондъ непродуцированныхъ классовъ составляется изъ остальной доли прибавочной стоимости. Но каковъ бы ни былъ способъ употребленія прибавочной стоимости, это нисколько не измѣняетъ распадѣнія всей вновь созданной стоимости на двѣ основныхъ части: заработную плату, доходъ рабочаго класса, съ одной стороны, прибавочную стоимость, доходъ класса капиталистовъ,—съ другой (разумѣется, предполагая вполнѣ развитыя капиталистическія отношенія: капиталистическое предпріятіе не только какъ господствующую, но и какъ единственную форму хозяйства).

Все, что сказано выше объ условіяхъ производства относительной прибавочной стоимости, о вліяніи на нее техническаго прогресса, приводитъ къ одному опредѣленному выводу: въ процессѣ экономическаго развитія та доля, которую рабочій классъ получаетъ изъ создаваемыхъ имъ стоимостей, все уменьшается; своимъ трудомъ онъ все въ меньшей степени производитъ необходимыя средства существованія для себя,—и все въ большей мѣрѣ производитъ прибавочную стоимость для другихъ ¹⁾.

Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ въ несомнѣнности этого положенія. Сюда относится прежде всего явно ускоряющійся темпъ накопленія, поскольку послѣднее выражается въ стремительно расширяющемся масштабѣ производства (новыя желѣзныя дороги, каналы, фабрики, шахты, верфи и т. д.). Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что только одинъ основной источникъ могъ сдѣлать возможнымъ это постоянное расширеніе: прибавочная стоимость. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о расширяющемся личномъ потребленіи присвоителей послѣдней, хотя бы постольку, поскольку оно получаетъ очевидное внѣшнее выраженіе въ ихъ роскошныхъ видахъ, дворцахъ, яхтахъ и т. д. Наконецъ,—такой осязательный фактъ, какъ угрожающе быстрый ростъ расходовъ во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ, и особенно ростъ военныхъ

¹⁾ Мы не приводимъ цифръ для иллюстраціи этихъ положеній. Статистика доходовъ и классификація ихъ носятъ самый безотрадный характеръ. Безъ предварительной критики нельзя было бы принять ни одной цифры Гиффена, Роберта Мейера, Леруа-Болье и другихъ извѣстныхъ изслѣдователей въ этой области. Даже Р. Майо-Смитъ („Статистика и экономія“, М. 1902; это, на ряду съ „Статистикой и социологіей“ того же автора—излюбленное нашими экономистами общее справочное пособие), при всей склонности къ буржуазному оптимизму, признаетъ, что соотвѣтствующія цифры имѣютъ очень условную цѣнность. Здѣсь господствуетъ величайшая некритичность, обычно безосознательная, зачастую преднамѣренная.

расходовъ (сухопутная армія, морской флотъ, вскорѣ такую же роль будетъ играть воздушный флотъ,—это предложеніе, высказанное въ 1912 году, вполне подтвердилось послѣдней войной). А всему этому надо противопоставить медленно измѣняющееся положеніе и сравнительно медленное же измѣненіе численности рабочаго населенія.

Стоитъ напомнить эти простые, самоочевидные факты—и станетъ прямо непонятнымъ, какъ можетъ оспариваться положеніе, что въ ходѣ развитія доля рабочаго класса въ общественномъ доходѣ все уменьшается. Оспаривать это вообще позволяетъ только преднамѣренно: или непреднамѣренное затемненіе понятій и подмѣнъ оспариваемыхъ утвержденій иными. Здѣсь стоитъ отмѣтить только два прѣма, наиболѣе обычныхъ въ спорахъ этого рода. Во-первыхъ, прибавочную стоимость сводятъ исключительно къ той ея части, которая лично непроизводительно потребляется ея присвоителями. Послѣ предыдущаго на этомъ можно не останавливаться. Во-вторыхъ, уменьшеніе той доли, которая достается рабочему классу изъ создаваемой имъ стоимости, смѣшивается съ пониженіемъ уровня жизни рабочихъ. Такимъ образомъ для буржуазныхъ экономистовъ теорія относительной прибавочной стоимости превращается въ „теорію обнищанія“ (Verelendungstheorie).

Теорія относительной прибавочной стоимости утверждаетъ только одно: если въ отрасляхъ производства, доставляющихъ обычныя средства существованія рабочаго класса, производительность труда повышается вдвое, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, стоимость рабочей силы понижается вдвое. Напримѣръ, вмѣсто прежнихъ 4 часовъ, рабочему будетъ достаточно всего 2 часовъ на производство все тѣхъ же средствъ существованія. Слѣдовательно, здѣсь еще ни слова нѣтъ о томъ, что его положеніе ухудшилось абсолютно: здѣсь просто утверждается, что при неизмѣнномъ, хотя бы 10-часовомъ рабочемъ днѣ доля рабочаго составляла раньше 4 часа, теперь составляетъ 2 часа, а доля присвоителей прибавочной стоимости составляетъ теперь 8 часовъ вмѣсто прежнихъ 6 часовъ.

Однако, какъ и всѣ положенія политической экономіи, данное положеніе формулируетъ лишь общую тенденцію въ развитіи экономическихъ отношеній и всю свою силу сохраняетъ только при прочихъ равныхъ условіяхъ. Оно не говоритъ, что капиталистическое предпріятіе всегда и повсюду требуетъ рабочую силу одинаковой, неизмѣняющейся квалификации. Если же мы установимъ, что развитіе капиталистической техники ведетъ къ повышенію той минимальной квалификаціи, при которой рабочая сила становится пригодной для новой промышленности, тѣмъ самымъ будетъ признано, что новый рабочий не можетъ удовлетворяться

средствами существованія, которыми жилъ рабочій старой мануфактуры. Это обстоятельство находитъ выраженіе въ повышающейся «требовательности» рабочихъ. То же приходится сказать и объ исключительныхъ конъюнктурахъ: такихъ, какъ сложившаяся для англійской промышленности 1850—1880 годовъ, такихъ, какъ складывавшаяся въ нѣкоторые періоды послѣ 1895 года для германской горной, машиностроительной, химической, электро-технической, строительной промышленности. Дополнительная прибавочная стоимость, извлекаемая соответственными группами предпринимателей, спросъ на извѣстныя категоріи рабочихъ, выроставшій быстрой предложенія,—все это опять-таки давало извѣстную опору «требовательности» рабочихъ, столь же исключительную, какъ была исключительна экономическая конъюнктура, и въ то же время склоняло предпринимателей къ уступчивости. На почвѣ такихъ конъюнктуръ могли развѣртываться явленія, которыя дали поводъ школѣ Брентано воспріять повышеніе зажиточности рабочихъ, говорить о превращеніи ихъ въ маленькихъ капиталистовъ и представлять все это въ видѣ общей тенденціи капиталистическаго развитія ¹⁾.

Наконецъ, мы уже видѣли, до какой степени важны общія историческія условія возникновенія и развитія рабочаго класса. Термины «пролетаріатъ», «рабочій классъ» даютъ только общія скобки, за которыми можетъ скрываться очень различное соціально-экономическое содержаніе. Такъ, «пролетаріатъ» во Франціи конца XVIII вѣка по существу совсѣмъ не то, что пролетаріатъ 1848 года; и даже пролетаріатъ 1848 года, далеко еще не порвавшій своихъ связей съ мелко-буржуазными экономическими формами, представляетъ совершенно иной общественный классъ, чѣмъ современный крупно-промышленный пролетаріатъ. Исслѣдователь, который некритически оперируетъ съ такими слишкомъ общими скобками, смѣшиваетъ совершенно разнородныя явленія: повышеніемъ уровня жизни собственно рабочаго класса онъ считаетъ то, что является въ дѣйствительности результатомъ разрушенія мелко-буржуазныхъ формъ, которыя съ одной сторонѣ «даромъ» воспитывали для капиталисти-

¹⁾ Въ особенности характерны въ этомъ отношеніи книги Шульце-Геверница: *Zum sozialen Frieden, 1890*, и *Der Grossbetrieb* (рус. изд. 1897 г. „Крупное производство“). Въ настоящее время, въ связи съ новѣйшими движеніями въ англійскомъ рабочемъ классѣ и въ частности среди ланкаширскихъ ткачей (1910 г.), нельзя безъ особаго умиленія читать эти книги. Столь же развиты новѣйшимъ экономическимъ развитіемъ и основныя положенія книги Берштейна („*Voraussetzungen des Sozialismus*“,—существуетъ въ нѣсколькихъ плохихъ русскихъ переводахъ), такъ шумѣвшей въ концѣ 90-хъ годовъ. Всѣ эти мнимые „реалисты“ оказались самыми безпочвенными мечтателями.

ческаго класса свѣжія «рабочія руки», а съ другой стороны—своей отчаянной конкуренціей непосредственно вели къ пониженію уровня жизни рабочихъ крупной промышленности.

Все эти факты нисколько не колеблютъ общаго положенія о сокращеніи доли рабочаго, какъ о тенденціи капиталистическаго развитія. И, съ другой стороны, они нисколько не избавляютъ исследователя отъ необходимости изучать особенныя, конкретныя условія экономическаго развитія каждой отдѣльной страны, каждой отдѣльной отрасли производства, и даже отдѣльныхъ категорій рабочихъ въ предѣлахъ одной и той же отрасли. Политическая экономія можетъ вооружить только методомъ изученія вѣчно текущихъ, постоянно измѣняющихся экономическихъ отношеній,—но никогда не устранить необходимости ихъ новаго и новаго изученія ¹⁾.

¹⁾ Статистика движенія заработной платы, измѣненій въ уровнѣ жизни рабочихъ пріобрѣтаетъ прочную опору только съ изученіемъ дѣйствительныхъ рабочихъ бюджетовъ. Въ высшей степени цѣнны въ этомъ отношеніи анкеты, предпринятія нѣкоторыми профессиональными союзами Германіи. Любопытные результаты союза металлурговъ отчасти использованы въ „Kampf“, III. Jahrg., 223—224 стр., и въ особенности въ превосходныхъ статьяхъ „Neue Zeit“, 28. Jahrg., 2. Bd., S. 170, 211. Германскія анкеты показали между прочимъ, что къ извѣстнымъ категоріямъ рабочихъ совершенно неприменимъ извѣстный „законъ Энгеля“: чѣмъ ниже доходы, тѣмъ относительно большая доля бюджета затрачивается на такіе предметы первой необходимости, какъ пища, жилище. Оказывается, питаніе и жилье низшихъ категорій рабочихъ настолько невыносимы, что повышение заработка до извѣстной границы почти цѣликомъ идетъ на ихъ улучшеніе.

Въ виду общей скудости и отрывочности статистическихъ данныхъ, пріобрѣтаютъ большой интересъ свѣдѣнія вашигтонскаго бюро труда, приводимыя Каутскимъ (Der Wed zur Macht, 1909, S. 77. Въ 1918 году эта книга—„Путь къ власти“—появилась въ переводѣ Н. Л. Мещерякова).

Это бюро, начиная съ 1890 года, изучаетъ положеніе рабочихъ въ огромномъ количествѣ предпріятій,—для послѣднихъ лѣтъ болѣе, чѣмъ въ 4.000 фабрикахъ и мастерскихъ. Средняя еженедѣльная заработная плата рабочихъ, работающихъ въ этихъ предпріятіяхъ полное время, сопоставляется съ средними розничными цѣнами предметовъ потребленія, которые берутся въ количествахъ, опредѣляемыхъ на основаніи изученія дѣйствительныхъ рабочихъ бюджетовъ. Средняя цифра, которая получается для заработной платы и цѣны въ періодъ 1890—99 гг., принята за 100. Со-